

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период становления римской государственности – в царскую эпоху, представлявшую собой «длительный процесс развития Рима в направлении к полису»¹ – военная организация в значительной мере основывалась на родо-племенной структуре². В VIII в. до н.э. в войске Ромула, царя-основателя Рима, имелось 300 всадников³, из богатых и знатных юношей⁴, и 3 тысячи пехотинцев⁵, набираемых из менее обеспеченных общинников, входивших в родо-племенную организацию⁶. Движимое имущество на захваченной территории подвергалось разграблению и захвату, а завоеванная либо присоединенная незанятая территория становилась *ager publicus populi Romani*, что автоматически отрицало наличие прав собственности на нее для римских граждан, не говоря уже о местном населении⁷. Земли, завоеванные Ромулом, были разделены Нумой, вторым царем Рима, между римлянами, по наделу на каждого мужчину⁸. Недостатка в земельных ресурсах в начальный период римской истории не было. Римские цари даже проводили политику заселения города соседними, побежденным или союзными племенами сабинов, латинян и этрусков и так как они не принадлежали к римским родам, их стали называть плебеями (плебсом), не обладавшими политическими правами, но получавшими в пользование земельный надел⁹.

Ввиду отсутствия сведений об участии плебеев в римской армии вплоть до конца VI в. до н.э., данный вопрос остается дискуссионным. Многие исследователи полагают, что до реформ Сервия Туллия плебеи к службе в армии не допускались¹⁰. Скрипилев Е.А. считает, что они привлекались на службу нерегулярно и на договорной, как с союзными племенами, основе¹¹. А.И. Немировский говорит о существовании особой плебей-

---

¹ Маяк И.Л. Проблема генезиса римского полиса. // ВДИ. 1976. № 4. с. 54.

² Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Ист.-правовое исследование. Свердловск. 1976. с. 26.

³ Liv. I. 13; 36.

⁴ Liv. I. 13; II. 20.

⁵ Plut. Rom. 13.

⁶ Dion. VI. 47; VII. 19; IX. 15.

⁷ Liv. II. 41. 1-6; Plut. Romul. 17, 23, 24. Маяк И.Л. Проблема генезиса римского полиса. // Вестник древней истории. 1976. № 4. с. 54.

⁸ Cic. De re. publ. II. 26; Dion. Halic. II. 62; Plut. Numa. 16.

⁹ Liv. I. 6; 22; 33; 44.

¹⁰ Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Вып. I. Харьков. 1894. с. 38; Покровский И.А. История римского права. Пг. 1917. с. 49; Хвостов В.М. История римского права. М. 1919. с. 25; Дьяков В.Н. История римского народа в античную эпоху. Древнейший период. Возникновение классового общества и государства в Риме. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина. Т. XVI. Кафедра истории древнего мира. Вып. 2. М. 1947. с. 32.

¹¹ Скрипилев Е.А. Военное право Древнего Рима в VI–III вв. до н. э. М. 1948 (рукопись). с. 51.

ской военной организации вплоть до середины V в. до н.э.¹². Игнатенко А.В. полагает, что плебеи становились участниками оборонительных военных компаний Рима, когда угроза касалась непосредственно земель, занимаемых плебеями, но, вместе с тем, они не несли систематической службы¹³. На наш взгляд, в данном вопросе следует экстраполировать ситуацию в армии, предшествующую военной реформе Мария, которая узаконила доступ к военной службе неимущим гражданам. В таком случае, при формальном запрете на службу в армии плебеев, последние впервые были призваны в войско в ходе тяжелой оборонительной войны, после чего, доказав свою боеспособность и самоотверженность, стали все чаще оказываться в рядах воюющей римской армии, пока, наконец, их участие в войнах не приобрело к концу VI в. регулярного характера.

Первая реформа римской армии была проведена Сервием Туллем, правившим в 578-534 гг. Суть ее сводилась к комплектованию армии независимо от принадлежности римлянина к родо-племенной организации. Все мужское население, т.е. и патриции и плебеи, на основании имущественного ценза подразделялось на шесть разрядов (к I разряду относились обладатели имущества, оцениваемого в 100 тыс. и более медных ассов; ко II – не менее 75 тыс.; III – 50 тыс.; IV – 25 тыс.; V – 11,5 тыс.; VI – малоимущие и неимущие граждане (*proletarii*) и вольноотпущенники)¹⁴. Относящиеся к последнему разряду считались не заслуживающими доверия вследствие крайней бедности, из-за чего общественное оружие им не доверялось¹⁵. В отличие от прежних времен, теперь призыву на военную службу подлежало практически все боеспособное мужское население, обладавшее имуществом и способное вооружить себя самостоятельно. При этом виды вооружения и амуниции прямо зависели от материального положения призывника: выходцы из богатых слоев зачислялись в конницу либо тяжеловооруженную пехоту. Дион Галикарнасский пишет: «Делал же он [царь Сервий Туллий] все, о чем говорилось, не без причины, но будучи убежденным, что для всех людей наградой в войнах является имущество, и ради защиты его все претерпевают лишения. И вот он считал справедливым, чтобы те, кто подвергается опасности из-за большей добычи, переносили бы большие тяготы как телом, так и имуществом, те же, кто страдал за мень-

---

¹² Немировский А.И. К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия. // Вестник древней истории. 1959. № 2. с. 159 и сл.

¹³ Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Ист.-правовое исследование. Свердловск. 1976. с. 30.

¹⁴ Dion. Halic. IV. 16-18; Liv. I. 43. Высказываются предположения, что, ввиду слабого развития денежных отношений в раннем Риме, цензы были, соответственно, эквивалентны следующим размерам земельных наделов, которыми должны были обладать военнообязанные: 20, 15, 10, 5 и 2 югера. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. с. 88, 92; Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Вып. I. Харьков. 1894. с. 48 и сл.

¹⁵ Val. Max. II. 3. 1.

шее, переносили бы меньшие тяготы в том и другом; а те же, кто ни за что не опасается, ничего и не претерпевали бы, будучи освобожденными от военного налога по бедности, а от военной службы вследствие неплатежеспособности. Ведь тогда римляне не получали из общественной казны платы за участие в походах, но воевали за собственный счет»¹⁶. Взамен увеличения бремени несения военной службы богатейшими классами была введена новая система голосования в народных собраниях – центуриатные комиции, где центурия была голосующей единицей, а на долю граждан, относящихся к богатейшему, I имущественному разряду, приходилось 98 голосов из 193 учитывавшихся при голосованиях¹⁷.

Сервий Туллий, царствовавший сорок четыре года¹⁸, известен также расширением померия Рима и возведением крепостной стены¹⁹. Логично предположить, что военная реформа, узаконившая службу в армии плебеев, была проведена им в первой половине правления. В связи с ветеранским вопросом примечательно, что правление царя трагически оборвалось сразу после того, как **он осуществил подушный раздел между плебеями**, которые были, для нас это несомненно, ветеранами новой армии, захваченной у врагов земли²⁰, а также **государственных земель, частично отнятых им у патрициев-арендаторов**²¹. Незамедлительно последовавшая негативная реакция разгневанных сенаторов²², которые сами, без согласия народного собрания, сорок четыре года назад избрали Сервия на царствование, побудила последнего поставить перед народным собранием вопрос: желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал?²³ Народ единодушно проголосовал за царя. Зато Тарквиний, сводный брат царя, созвал сенат на чрезвычайное заседание и, усевшись на царский трон, принялся очернять Сервия Туллия, утверждая, что тот не имеет права быть царем, так как был рожден рабыней, а царство получил без законной процедуры: «Вот как он рожден, вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. **Отторгнутую у знатных землю он**, ненавидя чужое благородство, **разделил между всяческой рванью**, а бремя повинностей, некогда общее всем, взвалил на знатнейших людей государства; он учредил ценз, чтобы состояния тех, кто побогаче, были открыты зависти, были к его услугам, едва он захочет показать свою щедрость нищим»²⁴. Большинство сенаторов одобрительно внимало Тарквинию. Сервий Туллий,

---

¹⁶ Dionys. Halicar. IV. 19. 1.

¹⁷ Liv. I. 43; Dionys. Halicar. IV. 20.

¹⁸ Liv. I. 48. 8.

¹⁹ Liv. I. 44. 3.

²⁰ Cic. De re publ. II. 38; Liv. I. 46. 1.

²¹ Liv. I. 47. 11.

²² Liv. I. 46. 2.

²³ Liv. I. 46. 1.

²⁴ Liv. I. 47. 11.

срочно прибыв в сенат, едва войдя в курию, гневно воскликнул: «Что это значит, Тарквиний? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?»²⁵ Тарквинию терять было уже нечего – он набросился на царя и, будучи более молодым, вытолкнул его из курии на улицу, где сторонники Тарквиния забили Сервия до смерти²⁶. Новым царем Рима был избран Тарквиний, прозванный впоследствии Гордым²⁷.

Так как Тарквиний пришел к власти на отрицании раздела земель между плебеями-ветеранами, ожидать от него решения ветеранского вопроса не приходилось. Известно, что он вывел две колонии, Сигнию и Цирцеи, недалеко от Рима, но поселенцами здесь были представители черни (царь считал, что когда для нее не найдется применения, она будет обременять Рим), а не простого народа²⁸. Признаком того, что Тарквиний был безразличен к проблемам ветеранов, стало и то, что, когда в 510 г., на двадцать пятом году его царствования, Луций Юний Брут инициировал отрешение царя от власти, армия, находившаяся при последнем, проявила взаимное безразличие к судьбе своего главнокомандующего, срочно поспешившего в Рим, с радостью приняла Брута и изгнала царских сыновей²⁹.

Если для реформатора Сервия Туллия решение ветеранского вопроса в форме перераспределения земель патрициев обернулось смертью, то игнорирование Тарквинием Гордым ветеранского вопроса вообще – лишением власти, изгнанием из города вместе с ним и всего его рода, а также подведением черты под царской эпохой в Риме, где установилась республика, переход к которой, кстати, предполагал Сервий Туллий³⁰. С 509 г. исполнительную власть в Риме возглавляли по два ежегодно избираемых народным собранием консула.

В 508 г. сенат освободил малообеспеченных плебеев, относящихся к VI разряду, от уплаты налогов: «Плебеюв освободили от пошлин и налогов: пусть платят те, у кого хватает дохода, с неимущих довольно того, что они растят своих детей»³¹.

Вплоть до 498 г. Риму пришлось отражать попытки Тарквиния вернуть себе царствование, а также вести войны с соседними племенами. В 495 г., когда в Кумах скончался изгнанный царь, поселение Сигния, выведенное еще при Тарквинии, было пополнено новыми поселенцами и основано заново³². С устранением угрозы реставрации царской власти патри-

---

²⁵ Liv. I. 48. 1.

²⁶ Liv. I. 48. 3-4.

²⁷ Liv. I. 49. 1.

²⁸ Liv. I. 56. 3.

²⁹ Liv. I. 60.

³⁰ Liv. I. 60. 4.

³¹ Liv. II. 9. 6.

³² Liv. II. 21.

ции в радости стали вести себя опрометчиво: «до сих пор все усердно угождали плебеям, а теперь власть имущие начинают чинить им обиды»³³. В тот же год Рим охватывает внутренний кризис из-за кабального долга, в котором оказались большинство плебеев, служивших в войсках³⁴ – весь народ опутан долгами³⁵.

По сути, долговой кризис был не столько ветеранским, сколько вопросом текущего содержания армии. Призванные на военную службу не получали жалования и должны были сами приобретать себе вооружение, содержать себя и свои семьи, а также платить налоги с земельных наделов, имевшихся в их пользовании³⁶. Так как основным источником дохода для плебеев было земледелие, то, будучи на военной службе, они лишались этого источника и, для покрытия вышеназванных расходов, вынуждены были в основной своей массе прибегать к заимствованиям: «Плебеи роптали о том, что вне Рима они сражаются за свободу и римскую власть, а дома томятся в угнетении и плену у сограждан, что свобода простого народа в большей безопасности на войне, чем в мирное время, и среди врагов, чем среди сограждан. Общее недовольство, и без того усиливавшееся, разожжено было зрелищем бедствий одного человека. Старик, весь в рубцах, отмеченный знаками бесчисленных бед, прибежал на форум. Покрыта грязью была его одежда, еще ужасней выглядело тело, истощенное, бледное и худое, а лицу его отросшая борода и космы придавали дикий вид. Но узнали его и в таком безобразном облике и говорили, что он командовал центурией, и, страдая ему, наперебой восхваляли его военные подвиги; сам же он в свидетельстве своих доблестей показывал, открыв грудь, шрамы, полученные в разных сражениях. Спросили его, отчего такой вид, отчего такой срам, и, когда вокруг него собралась толпа не меньше, чем на сходке, ответил он, что воевал на сабинской войне, и поле его было опустошено врагами, и не только урожай у него пропал, но и дом сгорел, и добро разграблено, и скот угнан, а в недобрый час потребовали от него налог, и вот сделался он должником. Долг, возросший от процентов, сначала лишил его отцова и дедова поля, потом остального имущества и, наконец, подобно заразе, вьелся в само его тело; не просто в рабство увел его заимодавец, но в колодки, в застенки. И он показал свою спину, изуродованную следами недавних побоев. Это зрелище, эта речь вызвали громкий крик»³⁷. Собравшийся народ обступил консулов: «Обращаясь к ним, толпа показывает кто – оковы, кто – увечья; вот что, негодуют они, каждый из них заслужил – кто на какой войне – своею службой!». Сенаторы в этой ситуации самоустранились от ре-

---

³³ Liv. II. 21.

³⁴ Liv. II. 23.

³⁵ Liv. II. 29. 8.

³⁶ Liv. IV. 60. 2.

³⁷ Liv. II. 23.

шения проблемы, требуя от консулов обеспечить законность.

В разгар кризиса в Рим поступило донесение, что на город движется войско вольсков³⁸. Плебеи бойкотировали объявленный призыв в армию. Тогда консул Публий Сервилий издал указ, чтобы «никто не держал римского гражданина в оковах или в неволе, лишая его возможности записаться в консульское войско, и чтобы никто, пока воин в лагере, не забирал и не отчуждал его имущества, и не задерживал бы его детей и внуков»³⁹. Лишь после этого плебеи начинают вступать в армию и даже должники бегут от займодавцев, чтобы записаться в войско. Над вольсками была одержана быстрая победа, затем последовательно были отражены нападения сабинов и арвунков, после чего коллега Сервилия, Аппий Клавдий, объявил недействительным указ о моратории на взыскание долга на период прохождения должником воинской службы⁴⁰. Должников стали отзывать со службы для привлечения к суду. Армия распалась, а Рим вновь погрузился в кризис.

Когда возникла опасность новой сабинской войны и сенат постановил консулам следующего года обеспечить призыв, плебеи в массовом порядке проигнорировали это решение⁴¹. В результате ожесточенных дискуссий сенаторы, ввиду неизбежной войны с сабинянами, не нашли иного выхода, как ввести диктатуру. Назначенный диктатором Маний Валерий первым делом подтвердил положения указа Сервилия, после чего было быстро набрано десять легионов⁴². После успешной военной кампании диктатор Валерий с триумфом вернулся в Рим и в первую очередь предложил вниманию сената пути решения долгового вопроса. Когда от сенаторов последовал отказ, он, перед тем как сложить диктаторские полномочия, заявил: «Неугоден я вам как поборник согласия; и все же, богом клянусь, скоро вы еще пожелаете, чтобы защитники римских плебеев были подобны мне. А я больше не хочу морочить сограждан, не буду напрасным диктатором. Внутренние распри и внешняя война принудили государство поставить диктатора: внешний мир достигнут, внутреннему – препятствуют; лучше мне частным лицом, чем диктатором, присутствовать при мятеже»⁴³. В сложившейся ситуации плебейское войско в полном вооружении решило самовольно, без всякого предводителя, удалиться и встать лагерем на горе, названной впоследствии Священной, в трех милях от Рима – знаменитая «сессия» – и ожидать дальнейших действий сената⁴⁴.

В ходе многодневных переговоров было принято компромиссное ре-

---

³⁸ Liv. II. 24. 1.

³⁹ Liv. II. 24. 6.

⁴⁰ Liv. II. 27. 1.

⁴¹ Liv. II. 27. 10.

⁴² Liv. II. 30.

⁴³ Liv. II. 31. 9.

⁴⁴ Liv. II. 32. 2.

шение об учреждении с 493 г. должности народного трибуна, на которую ежегодно будут избираться представители плебеев. Народный трибун объявлялся неприкосновенным и обладал правом наложить вето на любое решение консулов⁴⁵. Особо следует отметить, что в знаменитом уходе плебеев – сецессии – ставшим первым, причем ненасильственным, торжеством демократии в Риме, участвовали исключительно вернувшиеся с военного похода, но не сложившие оружия плебеи, т.е. ветераны. В 492 г. римляне увеличили число поселенцев в Велитрах, основанной в 495 г.⁴⁶, и вывели новую колонию в Норбу, в горы⁴⁷.

Первая попытка решения ветеранского вопроса в республиканском Риме путем наделения ветеранов земельными наделами была предпринята в 486 г., когда был впервые предложен земельный закон⁴⁸. Консул Спурий Кассий заключил с покоренными герниками договор об изъятии у них двух третей земли⁴⁹, для того чтобы одну половину этой земли отдать союзникам, а другую – плебеям, т.е. ветеранам⁵⁰. Кроме этого, к разделу консул предлагал привлечь и часть общественных земель, «которыми завладели, на что он и пенял, частные лица»⁵¹. Инициатива Кассия напугала сенат и его коллегу. Консула обвинили в стремлении к царской власти. Среди плебеев стали распускать слухи, что земля эта принесет рабство тому, кому достанется. Поддавшись на угрозы реставрации царской власти, плебеи не поддержали законопроект Кассия. Как только истек срок полномочий, Спурий Кассий был привлечен к суду за стремление к царской власти⁵², осужден и казнен собственным отцом⁵³.

В 485 г. консул Квинт Фабий сдал всю выручку за реализацию богатой военной добычи в казну, не распределив ее, вопреки сложившейся традиции, среди войска, чем вызвал ненависть плебеев⁵⁴. Народные трибуны инициировали рассмотрение земельного закона, к которому годом ранее плебеи отнеслись равнодушно⁵⁵. Три последующих года консулам удавалось блокировать рассмотрение земельного закона. Кроме того, с помощью своих клиентов сенаторы добивались, чтобы один из избираемых народных

---

⁴⁵ Liv. II. 33.

⁴⁶ Liv. II. 31.

⁴⁷ Liv. II. 34. 6.

⁴⁸ Liv. II. 41. 3.

⁴⁹ С этого времени, на наш взгляд, и закладывается новая традиция оставлять треть пригодной для возделывания земли в распоряжении завоеванных народов. См. также: Dion. Halic. II. 35, 50, 53; Liv. VIII. 1. 1; Liv. X. 1.1.

⁵⁰ Liv. II. 41. 1.

⁵¹ Liv. II. 41. 2.

⁵² Liv. Per. II.

⁵³ Cic. De re publ. II. 60; Liv. II. 41. 10.

⁵⁴ Liv. II. 42. 1-2.

⁵⁵ Liv. II. 42. 6.

трибунов был лоялен патрициям и блокировал инициативы остальных⁵⁶. Эта принципиальность обернулась тем, что во время войны с вейянами, когда Фабий с помощью конницы, состоявшей из патрициев, уже обратил противника в бегство, римская пехота отказалась преследовать бегущих: «ни призывы ненавистного им вождя, ни даже собственное бесчестье и позор перед лицом сограждан, ни даже опасность, что враг вновь воспрянет духом, не могли заставить их не только ускорить шаг, но хотя бы оставаться в строю: нет, они самовольно поворачивают знамена и, унылые – можно подумать, побежденные, – проклиная то полководца, то усердие конницы, возвращаются в лагерь»⁵⁷. Консул вынужден был вернуться в Рим, так и не познав вкуса близкой победы. В последующие годы сенат продолжал блокировать рассмотрение земельного закона и неповиновение римских солдат приобрело регулярный характер. Консулы, ведя войну с вейянами и этрусками, предпочитали отсиживаться в лагере. С большим трудом им удавалось приходиться к согласию с собственной армией, чтобы дать противнику генеральное сражение.

В 479 г. консул Цезон Фабий (отметим, что с 485 г. в консулы регулярно избирался кто-нибудь из рода Фабиев) перед объявлением очередного призыва предложил сенату: «покуда не объявился с земельным законом какой-нибудь трибун, самим сенаторам следовало бы его упредить, взяв это на себя, и по возможности поровну распределить между плебеями захваченную землю: ведь справедливо, чтобы ею владели те, кому досталась она потом и кровью»⁵⁸. Но сенаторы отказали консулу. Вероятно опасаясь, что призыв в который раз превратится в фарс, Фабий привел к сенату всю свою мужскую родню и попросил у сенаторов разрешения на ведение войны с вейянами исключительно представителями своего рода и за их собственный счет⁵⁹. Сенаторы удовлетворили столь странную просьбу на ведение частной военной кампании. При Кремере почти весь род Фабиев (триста шесть человек) погиб в безрассудной и отчаянной битве. В живых остался лишь юный Квинт Фабий⁶⁰.

Рим продолжал вести ожесточенные войны с соседями, пребывая иногда чуть ли не в осадном положении. В 472-471 гг. народный трибун Воле-рон добился принятия закона об избрании народных трибунов в центуриатных комициях, что лишило патрициев возможности через своих клиентов добиваться избрания угодных себе трибунов⁶¹ и давало возможность плебеям сосредоточиться на борьбе за принятие земельного закона.

---

⁵⁶ Liv. II. 44. 3; 56. 3.

⁵⁷ Liv. II. 43. 8.

⁵⁸ Liv. II. 48. 1.

⁵⁹ Liv. II. 48. 8.

⁶⁰ Liv. II. 49. 11.

⁶¹ Liv. II. 56. 3; 57. 4.

В 471 г. в войне с вольсками войсками командовал консул Аппий Клавдий, которого за презрение к народным трибунам солдаты ненавидели едва ли не больше, чем когда-то Фабия⁶². Ставшее традиционным игнорирование приказов и дезертирство чуть не обернулось окончательным поражением. Чтобы восстановить дисциплину, Аппий первым в римской истории прибег к децимации, казни каждого десятого бежавшего с поля боя солдата, отобранного по жребью⁶³. Жестокость консула принесла результат – в следующем сражении вольскам было нанесено сокрушительное поражение. Его коллега, Квинкций, в это же время успешно воевал с эквами, обширные земли которых он распределил между своими воинами, из-за чего «войско сделалось благосклоннее. Воины говорили, что сенат дал им родителя, а другому войску – господина [Аппия]»⁶⁴. Тем не менее, принятие земельного закона в Риме постоянно откладывалось.

В 469 г. было ясно, что «плебеи не допустят дальнейшего промедления с земельным законом и готовятся действовать силой»⁶⁵. Лишь очередное вторжение вольсков сдержало назревавший мятеж. Римляне вновь одержали верх над вольсками и внутривосточная ситуация вновь вернулась на прежние круги. В следующем году плебеи бойкотировали выборы консулов⁶⁶. Сенаторы и их клиенты избрали консулами Квинта Сервилия и, вторично, Тита Квинкция. Последний, напомним, заслужил авторитет у плебеев тем, что осуществил раздел между легионерами отвоеванных у эквов земель⁶⁷, в связи с чем призыв для отражения очередного нападения сабинян и вольсков прошел без особых затруднений. В ходе успешной войны римляне под руководством Квинкция смогли взять богатый город вольсков Антий⁶⁸.

Консулами 467 г. были избраны Тит Эмилий и единственный уцелевший из рода Фабиев – Квинт Фабий⁶⁹. Тит Эмилий, вступив в должность, сразу же заявил о поддержке закона о наделении плебеев землей. Плебеи, ведомые народными трибунами, с воодушевлением поддерживали консула. Большинство сенаторов и землевладельцев по-прежнему резко выступали против земельного закона. Известно, что царь Сервий Туллий распределил между ветеранами завоеванные земли, а также часть государственных земель, согнав с них патрициев-арендаторов, за что и был убит. Точно такую же процедуру предлагал в 486 г. и автор земельного закона Спурий Кассий,

---

⁶² Liv. II. 59. 2.

⁶³ Liv. II. 59. 11.

⁶⁴ Liv. II. 60. 3.

⁶⁵ Liv. II. 63. 2.

⁶⁶ Liv. II. 64. 2.

⁶⁷ Liv. II. 60. 2.

⁶⁸ Liv. II. 65. 7.

⁶⁹ Liv. III. 1. 1.

«звавший народ делить поля»⁷⁰, который был осужден и казнен. С другой стороны, мы имеем пример, когда консул Тит Квинкций без всякого земельного закона распределил между ветеранами завоеванные у врагов земли, что прошло для консула безнаказанно⁷¹. Таким образом, камнем преткновения в земельном законе был вопрос о государственных землях, которые уже длительное время находились в пользовании римских граждан. Для последних реализация предложенного земельного закона означала лишение государственных земельных наделов, которые уже давно находились в их наследственном пользовании и, естественно, воспринимались ими как личная собственность. Это обстоятельство и объясняет их неприимимость к земельному закону: «Землевладельцы и значительная часть сенаторов роптали, что глава государства, усвоив замашки трибунов, выказывает-де щедрость к народу **за чужой счет**, и всю свою ненависть обратили с трибунов на консула»⁷².

Предстояла жестокая борьба за законопроект, не предложи консул Квинт Фабий компромисс, который, по сути, повторял предложенный в 479 г. Цезоном Фабием законопроект и не ущемлял интересы ни одной из противоборствующих сторон. Он заявил: «В прошлом году под верховным руководством Тита Квинкция у вольсков отняли много земли, и можно было вывести поселение в удобно расположенный приморский город Антий, дабы плебеи получили свои наделы, землевладельцы не роптали, а в государстве бы воцарилось согласие»⁷³. Предложение Фабия было принято и, после утверждения земельного закона, была назначена комиссия из трех человек (триумвиры) для раздачи наделов. Здесь выяснилось, что, несмотря на длительную, тяжелую и увенчавшуюся успехом, борьбу плебеев за законопроект, желающих получить земельные наделы оказалось не так уж и много, так как большинство плебеев желало получить наделы не где-нибудь, а в Риме. Тем не менее, механизм решения ветеранского вопроса, предложенный Фабием, когда разделу между плебеями подлежала лишь завоеванная земля, тогда как государственные земли не подлежали перераспределению, был принят на вооружение и периодически эффективно использовался в течение двух последующих столетий вплоть до середины II в. до н.э. Очевидно, еще одним следствием подобного решения ветеранского вопроса является начало процесса укрупнения земельных наделов в окрестностях Рима: так как призываемые на службу плебеи обладали здесь

---

⁷⁰ Liv. VI. 17. 2.

⁷¹ Отметим, что Тит Квинкций, прожив свыше 80 лет, пользовался непререкаемым авторитетом среди римлян и, будучи еще четыре раза избранным консулом в самые трудные годы внутривнутриполитической борьбы между плебеями и патрициями, всегда умело выводил Рим из кризиса.

⁷² Liv. III. 1. 3.

⁷³ Liv. III. 1. 4.

земельными наделами, то получая в качестве ветеранов в поселениях новые, очевидно более крупные, наделы, прежние участки они уступали, вероятно, за вознаграждение своим более состоятельным согражданам, которые в результате этого расширяли свои землевладения. Кроме того, более состоятельные граждане, используя свои накопления, имели возможность, предложив большую подать с общественных земельных наделов, укрупнять свои владения, вытесняя тем самым бедняков⁷⁴.

В 456 г. без особых осложнений был принят закон о распределении наделов на Авентинском холме, расположенном в окрестностях тогдашнего Рима⁷⁵. Чуть позже пришлось более осторожно относиться к практике перераспределения в пользу ветеранов земель союзников, которыми со временем становились покоренные соседи. В 446 г. союзные ардеяне и арицийцы обратились к римлянам с просьбой рассудить имевшийся между ними длительный земельный спор⁷⁶. Во время разбирательств Публий Скаптий, престарелый плебей-ветеран, заявил, что в молодости ему и его соратникам пришлось проливать кровь за эту землю, вследствие чего спорная земля должна быть объявлена собственностью римского народа⁷⁷. Плебеи с восторгом встретили предложение Скаптия. Консулы и сенаторы резко запротестовали подобному обороту событий, утверждая, что «приобретение этой земли даст прибыль, неизмеримо меньшую того убытка, который будет понесен, когда из-за бесчестного поступка от Рима отпадут союзники»⁷⁸. Тем не менее, народное собрание постановило объявить спорные земли собственностью римского народа⁷⁹, чем побудило ардеян отпасть от римлян⁸⁰. Лишь в 442 г. консулы смогли добиться принятия закона, завуалированно возвращавшего отобранные земли бывшему союзнику⁸¹. Так как к этому времени численность ардеян из-за междоусобицы сильно сократилась, то на оставшиеся незаселенными участки их земель были выведены римские поселенцы-плебеи⁸².

Следующее обустройство ветеранов приходится на 429 г., когда в расположенный в 7 км к северу от Рима город Фидены, с населением которого римляне регулярно воевали в V в., были выведены поселенцы и им была передана земля погибших в войне фиденян⁸³.

Спустя пять лет претендентами на должность народного трибуна ре-

---

⁷⁴ Plut. Tib. Gr. 8.

⁷⁵ Liv. III. 31. 1.

⁷⁶ Liv. III. 71. 2.

⁷⁷ Liv. III. 71. 3.

⁷⁸ Liv. III. 72. 2.

⁷⁹ Liv. III. 72. 6.

⁸⁰ Liv. IV. 1. 4.

⁸¹ Liv. IV. 11. 3.

⁸² Liv. IV. 11. 7.

⁸³ Liv. IV. 30. 6.

нимируется идея раздела государственных земель, а также впервые предлагается обложить налогом владельцев земель ради выплаты жалования воинам⁸⁴. Так как Рим вступил в очередную войну с вольсками, в которой римляне понесли крупное поражение, то реализация этих предложений была отложена. В 420 г. народными трибунами в сенате вновь был поднят вопрос о разделе земли⁸⁵. На следующий год, сразу после взятия Лабики, входившего в Латинский союз города старых латинов у северного края горы Альгида, сенат – пока народные трибуны не успели вызвать беспорядки, выступив с предложениями о разделе лабиканских земель, – в полном составе проголосовал за вывод в Лабики поселения⁸⁶. Полторы тысячи римских поселенцев получили по два югера земли. Тем не менее, земельный законопроект не снимался с повестки ужесточавшейся политической борьбы. Предложение народных трибунов сводилось к разделу «захваченной у неприятеля земли между всеми плебеями поименно – а это означало, что плебейским постановлением имущество большинства знатных людей делалось общественной собственностью, ведь в городе, расположенном в чужой области, нету участка, который не был бы добыт силой оружия, и нету такой земли, какая была бы продана или дана в надел кому-нибудь, кроме плебеев»⁸⁷, т.е. предлагался передел всех государственных земель, отнимающий у патрициев «несправедливо присвоенные ими общественные земли»⁸⁸. Сенаторы, считая, что эта земельная инициатива «приведет к распаду государства», проведя в народные трибуны несколько лояльных плебеев, блокировали рассмотрение земельного закона⁸⁹. Кроме этого, в отместку за настойчивость народных трибунов, сенаторы отказались санкционировать выведение поселенцев-ветеранов в захваченный Бол, город, расположенный в Лации, и раздел земель боланцев⁹⁰.

Так как земельный закон, затрагивающий государственные земли, из года в год упорно вносился на рассмотрение, сенаторы решились на нестандартный ход, выбивший, на длительное время, инициативу из рук народных трибунов. В 406 г. сенат установил воинам жалование⁹¹, для того, чтобы «обеспечить благополучие семьи на то время, что сами они будут проводить в трудах и заботах для блага государства»⁹². Решение вызвало возмущение у уже покинувших военную службу граждан, грозивших, что они «не стерпят, чтоб другие несли воинскую службу в лучших условиях,

---

⁸⁴ Liv. IV. 36. 2.

⁸⁵ Liv. IV. 44. 7.

⁸⁶ Liv. IV. 47. 6.

⁸⁷ Liv. IV. 48. 2.

⁸⁸ Liv. IV. 51. 5.

⁸⁹ Liv. IV. 48. 15.

⁹⁰ Liv. IV. 49; 51. 5.

⁹¹ Liv. IV. 59. 11.

⁹² Liv. IV. 60. 2.

чем когда-то они сами, теперь принужденные к тому же выплачивать жалование другим после того, как сами платили за все»⁹³. Тем не менее, плебеи с радостью встретили новый закон. Для выплаты жалования был назначен военный налог – *tributum*, которым облагались все землевладельцы. Сами сенаторы, заплатив причитающуюся сумму налогов, подали для остальных граждан пример⁹⁴. Служба в армии освобождала гражданина от уплаты военного налога⁹⁵.

Назначение жалования солдатам позволило Риму приступить к завоеванию Италии и вести затяжные войны, так как теперь не приходилось отпускать плебеев из армии для ведения сельскохозяйственных работ на своих наделах. Первая подобная война велась против Вейи, города в Тоскане, расположенного на расстоянии чуть более двадцати миль от Рима на противоположном берегу Тибра. В этой кампании римляне впервые прибегли к строительству зимнего лагеря, что было в новинку римскому воину, которому предстояло продолжать войну, стоя на зимних квартирах⁹⁶.

Казалось, земельный закон надолго был снят с повестки дня и сенат восторжествовал окончательно. Но... в 396 г., после затяжной девятилетней войны, осада Вейи увенчалась успехом⁹⁷. По этому случаю сенат издал специальный указ, разрешавший всем без исключения гражданам Рима принять участие в расхищении богатств захваченного города⁹⁸. На следующий год, для смягчения вновь возрождавшихся распрей, было принято решение вывести колонию в землю вольсков⁹⁹. Три тысячи римлян изъявили желание стать поселенцами. Когда же выяснилось, что каждому из них полагается по три и семь двадцатых югера вольской земли, они с негодованием заявили: «зачем усылать плебеев к вольскам, когда под боком великолепный город Вейи, земли которого плодороднее и обширнее римских?»¹⁰⁰. Так как завоеванный город был больше и роскошнее Рима, то среди плебеев очень быстро распространилась идея переселения в Вейи: «Предполагалось, что часть плебеев и часть сената переберутся туда, чтобы два города могли быть объединены в одно государство и населены римским народом»¹⁰¹. Сенаторы с ужасом встретили новый замысел. Разразилась ожесточенная борьба за и против переселения, споры нередко перерастали в кровавые драки. Лишь на третий, 393, год было достигнуто согласие поставить вопрос о переселении в Вейи на голосование в народном собрании.

---

⁹³ Liv. IV. 60. 4.

⁹⁴ Liv. IV. 60. 5.

⁹⁵ Liv. V. 10. 6.

⁹⁶ Liv. V. 2. 1.

⁹⁷ Liv. V. 21.

⁹⁸ Liv. V. 20.

⁹⁹ Liv. V. 24. 4.

¹⁰⁰ Liv. V. 24. 5.

¹⁰¹ Liv. V. 24. 8.

Консул Камилл, который уже и не рад был, что завоевал этот злополучный город, настойчиво взывал к сенаторам: «пусть они помнят, за что им предстоит бороться на форуме в день голосования – за жертвенники и очаги, за храмы богов и землю, на которой родились! Что до него самого (если только позволительно вспоминать о своей славе, когда отечество в опасности), то ему лишь к чести послужило бы, если бы завоеванный им город был полон людьми, если бы сам он каждый день вкушал хвалу в городе, воплощающем его славу, если бы постоянно у него перед глазами был город, изображение которого несли во время его триумфа, если бы все ступали по камням, хранящим память о его подвигах. Но нечестиво переселяться в заброшенный, покинутый бессмертными богами город! Нельзя, чтобы римский народ жил на полоненной земле, сменив победившую родину на побежденную»¹⁰². В день голосования все без исключения сенаторы явились в народное собрание. «Разойдясь по своим трибам, они со слезами на глазах умоляли сограждан, брали их за руки, заклинали не покидать отечества, за которое храбро и победоносно ратоборствовали и они сами, и их пращурь. Они указывали на Капитолий, на храм Весты, на прочие окрестные святыни: да не станет народ римский изгнанником, да не уйдет с родной земли, от своих богов-пенатов во вражий город, да не переведет туда государство, дабы не пришлось пожалеть о взятии Вей опустевшему Риму!»¹⁰³. Столь отчаянная агитация принесла плоды: закон был отклонен большинством в одну трибу¹⁰⁴. На радостях сенаторы на следующий день утвердили решение о разделе вейской земли по семь югеров между плебеями¹⁰⁵.

В 390 г., одержав у реки Аллия победу над римлянами, галлы беспрепятственно добрались до Рима, взяли его и сожгли¹⁰⁶. Лишь укрепленный Капитолий, где укрылись римляне, уцелел от огня и разграбления. Однажды ночью галлы попытались проникнуть на Капитолий, взобравшись на примыкавшую к нему Тарпейскую скалу, но их движения разбудили гусей, посвященных богине Юноне. Гогот разбудил римлян и Марк Манлий, консул 392 г., прозванный впоследствии Капитолийским, первым преградил путь галлам, вылазка которых потерпела неудачу¹⁰⁷. Римляне уже собрали необходимое количество золота, которое галлы затребовали за снятие осады с Капитолия, когда к городу со срочно набранными войсками прибыл заочно назначенный сенатом диктатором Камилл, который еще до вторжения галлов удалился в добровольное изгнание, будучи привлеченным к су-

---

¹⁰² Liv. V. 30. 1.

¹⁰³ Liv. V. 30. 4.

¹⁰⁴ Liv. V. 30. 7.

¹⁰⁵ Liv. V. 30. 8.

¹⁰⁶ Liv. V. 37. 7. и сл.

¹⁰⁷ Liv. V. 47. 4

ду за растрату военной добычи из Вейи. Заставив галлов в первом сражении отступить от Рима, Камилл нанес им сокрушительное поражение в восьми милях от города на Габийской дороге¹⁰⁸. Сразу после войны с галлами диктатору и сенаторам вновь с большим трудом удалось убедить сограждан, снова заразившихся идеей переезда в Вейи, остаться в разоренном до тла Риме и возродить отеческий город¹⁰⁹. В 388 г. сенат даже принял специальное постановление, назначавшее смертную казнь тем гражданам, которые, перебравшись в Вейи, отказывались возвращаться в Рим¹¹⁰.

Уже в следующем году народные трибуны предложили осуществить раздел земли Помптинской области¹¹¹. Однако пока город отстраивался заново и велись войны с осмелевшими вновь вольсками, эквами и этрусками, плебеи с равнодушием относились к новым земельным инициативам.

Постепенно все большее число плебеев-ветеранов оказывалось в долговых сетях и, разорившись, попадало в темницы¹¹². Много позже, когда борьба за решение долгового вопроса увенчается успехом, выяснится, что долговая проблема возникла в основном «не от бедности должников»¹¹³, т.е. должниками, главным образом, были представители среднего класса плебеев. Как это не покажется, на первый взгляд, странным, катализатором проблемы, по нашему мнению, стало назначение жалования для военнослужащих и введение для его выплаты налога на землевладельцев. Пехотинцы, независимо от принадлежности к тому или иному имущественному разряду, получали по два обола в день¹¹⁴, т.е. ≈ 120 денариев или 2 тыс. ассов в год. Размер жалования составлял от 8 до 17% имущества плебея, относящегося к 5 разряду. Очевидно, что сумма жалования позволяла воинам из низшего имущественного разряда поддерживать традиционный уровень дохода. Для более состоятельных плебеев-пехотинцев этот показатель был в разы (от 4 до 2% от имущества) ниже. Кроме того, так как вооружение, которое приобреталось за собственный счет, у более богатых граждан было дорогим, то, фактически, воина из среднего класса плебеев размер жалования, вряд ли позволяя экономить средства еще и на содержание своей семьи, расходы на которую также должны были быть выше среднего показателя, побуждал прибегать к долгам. Покидая же военную службу, плебеи автоматически становились плательщиками налога, размер которого был пропорциональным размеру земельного участка: «Вернется человек от ратных трудов домой, притащится, согбенный годами, покры-

---

¹⁰⁸ Liv. V. 49. 6.

¹⁰⁹ Liv. V. 49. 8. и сл.

¹¹⁰ Liv. VI. 4. 5.

¹¹¹ Liv. VI. 5. 1.

¹¹² Liv. VI. 11. 8.

¹¹³ Liv. VII. 21. 8.

¹¹⁴ Polyb. VI. 39.

тый ранами, и найдет хозяйство в полном запустении – слишком долго оно ждало бывшего в отлучке хозяина. И из этого-то расстроенного имущества его к тому же заставят заплатить подать, чтобы он вернул свое воинское жалованье государству приумноженным, будто ссуду ростовщику»¹¹⁵.

Защитником интересов плебеев в долговом вопросе выступил патриций Марк Манлий Капитолийский, который в 385 г. «первый изо всех отцов стал угождать народу, стал совещаться о государственных делах с плебейскими должностными лицами, стал обвинять сенаторов в преступлениях, завлекать простой народ»¹¹⁶. «Однажды увидев, как ведут осужденного за долги центуриона, знаменитого своими подвигами, он посреди форума налетел с толпою своих людей, наложил на него руку и стал кричать о высокомерии сенаторов, жестокости ростовщиков и бедствиях народа, о доблестях и участии этого мужа: „Затем ли я спас этой рукою Капитолийскую крепость, чтобы видеть, как гражданина и моего соратника, словно победили галлы, хватают и уводят в рабство и оковы?“ Тут же при всем народе он заплатил заимодавцу и, освободив должника от долга, отпустил на волю, а тот призывал в свидетели богов и людей, чтобы отблагодарили они Марка Манлия, его освободителя и отца римских плебеев. Центурион, сразу же попав в волнующуюся толпу, еще больше увеличил волнение, показывая рубцы ран, полученных им в вейской, галльской и других позднейших войнах. Он говорил, что, пока воевал, пока восстанавливал разоренный дом, он не раз уже выплатил самый долг; но лихва поглотила все, ею он раздавлен»¹¹⁷. Манлий, пока боролся за разрешение долгового кризиса, использовал свое имущество для выплаты долгов около четырехсот человек, которым грозила долговая кабала¹¹⁸. Основное требование сводилось к отмене грабительских процентов за долги: «Получите оставшиеся долги, только вычтите то, что выплачено в лихву, и толпа вокруг меня уже не будет заметнее толпы вокруг любого другого» – говорил Манлий, обращаясь к сенаторам¹¹⁹. Опасаясь последствий деятельности патриция-«изменника», сенат ввел диктатуру¹²⁰ и принял решение о выведении в Сатрик поселения в две тысячи граждан, назначив каждому по два с половиной югера земли¹²¹. Но действия сенаторов лишь подстрекнули стремление к мятежу и усугубили противостояние.

Понимая, что неуступчивость чревата кровопролитием, в 384 г. сенаторы выдвинули против Марка Манлия, который, будучи патрицием, завла-

---

¹¹⁵ Liv. V. 10. 9.

¹¹⁶ Liv. VI. 11. 7.

¹¹⁷ Liv. VI. 11. 7.

¹¹⁸ Liv. VI. 20. 6.

¹¹⁹ Liv. VI. 15. 10.

¹²⁰ Liv. VI. 11. 10.

¹²¹ Liv. VI. 16. 6.

дел умами плебеев, обвинение в стремлении к... царской власти. Авторы идеи, народные трибуны Марк Менений и Квинт Публий, говорили: «Зачем же мы превращаем в борьбу отцов и простого народа то, что должно быть борьбой государства против одного зловредного гражданина? Зачем нападаем мы на плебеев и на него, когда безопаснее, чтобы сами плебеи напали на него так, чтобы он рухнул под бременем собственных сил. Мы намерены призвать его к суду. Что менее любо народу, чем царская власть? Как только эта толпа увидит, что борются не с нею, защитники превратятся в судей; и разглядев, что обвинители – из плебеев, обвиняемый – патриций, а на рассмотрении дело о царской власти, они ни о ком не станут радеть больше, чем о своей свободе»¹²². Более коварного способа дискредитировать политического оппонента в республиканском Риме придумать было трудно. Суд счел, что в политической деятельности подсудимый преследовал цель добиться царской власти и приговорил его к смерти. Марк Манлий, как Спурий Кассий, был сброшен с Тарпейской скалы¹²³ – той самой, с которой он изгнал галлов в памятную ночь, когда «гуси спасли Рим». Решено было также, в знак бесчестия Манлия, чтобы ни один патриций не жил на Капитолии и никого более не называть именем Марк Манлий¹²⁴.

Казнь Манлия, тем не менее, не решала долгового кризиса¹²⁵. В отсутствие необходимого результата плебеи прибегли к традиционной тактике борьбы – уклонению от воинского призыва¹²⁶. Лишь близость врага побуждала их, отложив на время политическую борьбу в Риме, вновь вступать в армию. В 379 г. сенат назначил новых поселенцев в Сетию по жалобе жителей на нехватку в людях¹²⁷. В следующем году, когда легионы вольсков вторглись в римские пределы, а трибуны еще упорнее стали противиться призыву, сенат пошел на компромисс в долговом вопросе. Было принято постановление, чтобы «до конца войны никто не платил бы налогов и не устраивал бы суда о долгах»¹²⁸. Компромисс позволил обеспечить призыв в армию, а также упорядочивал будущие долги, но не снимал проблемы накопившихся.

Гром очередного витка политической борьбы грянул в 375 г., когда два народных трибуна Гай Лициний Столон, зять патриция Марка Фабия Амбуста, и Луций Секстий, несомненно, учтя участь Марка Манлия, совместно «предложили законы – все против могущества патрициев и на благо плебеям. Первый закон – о долгах: чтобы, вычтя из суммы долга то, что

---

¹²² Liv. VI. 19. 6.

¹²³ Liv. VI. 20. 12.

¹²⁴ Liv. VI. 20. 13.

¹²⁵ Liv. VI. 27. 3.

¹²⁶ Liv. VI. 28. 1.

¹²⁷ Liv. VI. 30. 9.

¹²⁸ Liv. VI. 31. 4.

начислялось как проценты, остаток погашать равными долями три года. Второй – о земельном ограничении: чтобы никто не имел во владении сверх пятисот югеров [ок. 125 га] поля; третий – чтобы не быть выборам военных трибунов и чтобы по крайней мере второй консул избирался из плебеев»¹²⁹. Принятие такого пакета законов без ожесточенной борьбы было немислимо. Обращаясь к влиятельным сенаторам, они вопрошали: «решатся ли они требовать для себя разрешения иметь более пятисот югеров пашни, когда простому народу нарезают по два югера на душу, так что один человек владеет наделом почти трехсот граждан, а человеку из простого народа едва хватает места для крова над головой да для будущей могилы? Что нравится им больше – чтобы опутанные долгами плебеи отдавали свое тело в оковы и на истязания или чтобы они выплачивали долг без роста? Нравится ли им, что осужденных ежедневно уводят толпами с форума, что знатные дома полны узников, что всюду, где живет патриций, – частная тюрьма?»¹³⁰.

Сенат с помощью лояльных народных трибунов наложил запрет на обсуждение новых законопроектов, не позволив даже зачитать их перед народом¹³¹. Тогда инициаторы реформ пошли ва-банк. Секстий заявил: «Это ничего; коль скоро кому-то нравится, что запрещение имеет такую силу, то этим самым оружием мы и защитим плебеев. Действуйте, отцы-сенаторы, назначайте выборы военных трибунов; уж я сделаю так, что не обрадует вас этот возглас „запрещаю!“, который вы ныне, спевшись с нашими товарищами, слушаете с такой радостью»¹³². Из-за постоянных запретов Лициния и Секстия вся система исполнительной власти надолго оказалась парализованной – проводились лишь выборы плебейских эдилов и народных трибунов. Так как Лициний и Секстий из года в год, в течение десяти лет, избирались народными трибунами, то возможности проведения выборов в магистратуры каждый раз блокировались. Когда же лояльные сенату трибуны уже не решались блокировать предложенные законопроекты, сенат немедленно вводил диктатуру и добивался их отзыва. В 368 г. сенаторы предложили компромисс – принять законы о процентах и земле, но о плебейском консуле отвергнуть. Лициний и Секстий отказались от предложения, заявив, что все три законопроекта будут поставлены на голосование вместе¹³³, так как «нет другого способа ограничить отцов в захвате земель и в разорении простого народа ростовщицеством, кроме как избрать второго консула из плебеев – стража их свободы»¹³⁴. Сенату, отсрочив время, при-

---

¹²⁹ Liv. VI. 14. 3.

¹³⁰ Liv. VI. 36. 11.

¹³¹ Liv. VI. 35. 7.

¹³² Liv. VI. 35. 8.

¹³³ Liv. VI. 39. 2.

¹³⁴ Liv. VI. 37. 2.

шло в 367 г. уступить плебсу, добившись, в качестве компенсации, введения для патрициев должности «претора» («младшего товарища» консулов, к которому переходило судопроизводство), а также права патрициям избираться военными трибунами и эдилами¹³⁵. Первым плебеем, избранным консулом, стал Луций Секстий¹³⁶. Очевидно, ограничение на земельные участки в 500 югер позволило высвободить в окрестностях Рима определенное количество земли для их заселения ветеранами. Мор, охвативший Италию в 365-364 гг., унес жизни многих римлян, в том числе прославленного Марка Фурия Камилла¹³⁷, из-за чего актуальность распределения земель должна была на некоторое время отпасть.

В 357 г. были приняты закон об уплате двадцатины за отпуск на волю рабов¹³⁸ и установлена унциальная ставка (8 1/3) процента по долгам¹³⁹. Проблема же просроченных долгов была решена в 352 г., когда консулы «взялись за облегчение условий займов, которые казались единственной пагубой спокойствию»¹⁴⁰: «просроченные обязательства и платежи, задержанные скорей по небрежности, а не от бедности должников, либо погасили из казны, расставив на форуме столы с деньгами (заручившись, однако, обязательствами должников перед народом), либо обеспечили справедливой оценкой имущества должника. Таким образом было покончено с громадными долгами не только без несправедливости, но даже без обиды»¹⁴¹. Пользуясь уступчивостью народа, из-за облегчения долгов, интеррексам удалось добиться, чтобы оба консула 351 г. были избраны из патрициев¹⁴². В 347 г. порядок осуществления займствований был усовершенствован: «долговой процент из унциального сделали полуунциальным, а сами платежи были распределены поровну на три года, но так, чтобы четвертую часть платили сразу»¹⁴³. В 326 г. был принят закон, запретивший долговое рабство, «разрешающий держать в колодках или оковах вплоть до уплаты долга только тех, кто заслужил наказание за причиненный ущерб, а за взятые в долг деньги отвечает имущество должника, но не его тело»¹⁴⁴.

Поступивший в армию плебей на время прохождения службы получал жалование, защиту от преследования заимодавцев, а по завершении ее мог воспользоваться правом получения земельных наделов в выводимых поселениях. Вплоть до середины 60-х гг. III в. до н.э., пока регулярно принима-

---

¹³⁵ Liv. VI. 42. 3, 9; VII. 1. 1..

¹³⁶ Liv. VI. 42. 9.

¹³⁷ Liv. VII. 1. 7; 2. 1.

¹³⁸ Liv. VII. 16. 7.

¹³⁹ Liv. VII. 16. 1.

¹⁴⁰ Liv. VII. 21. 5.

¹⁴¹ Liv. VII. 21. 8.

¹⁴² Liv. VII. 22. 1.

¹⁴³ Liv. VII. 27. 3.

¹⁴⁴ Liv. VIII. 28. 8.

лись решения о выведении поселений¹⁴⁵, система действовала без особых проблем.

Первые симптомы нарождающейся новой ситуации в ветеранском вопросе проявились сразу по окончании I Пунической войны 264-241 гг. К началу войны с Карфагеном римляне захватом в 265 г. Вольсинии завершили завоевание Апеннинского полуострова¹⁴⁶. Теперь Рим вступал в противоборство с заморскими государствами. В ходе длительной и дорогостоящей войны с Карфагеном, потребовавшей полной мобилизации ресурсов, римлянами впервые был построен военный флот, сумевший нанести противнику ряд тяжелых поражений. Победа принесла в римскую казну 3200 талантов серебра. Западная Сицилия, Корсика и Сардиния стали первыми римскими провинциями. Появление новых провинций позволяло состоятельным гражданам пускать свой капитал в торговый оборот и безопасно получать более стабильные доходы, нежели от службы в армии, где для получения военной добычи приходилось подвергать риску свою жизнь. Таким образом, по меркантильным соображениям интерес зажиточных граждан к военной службе должен был снижаться. Для препятствования данной тенденции в 218 г. даже был введен законодательный запрет сенаторам и членам их семей владеть торговыми судами, а сама торговля «признавалась для сенаторов безусловно позорной»¹⁴⁷.

В решении же ветеранского вопроса появилось новое обстоятельство. Ставшая традиционной формула расселения ветеранов Фабия (выводить поселения на захваченные у врага земли) уже не срабатывала: так как теперь войны велись за пределами Италии, то получалось, что ветеранам, если следовать сложившейся практике, нужно было селиться за морем. Естественно, что тогда подобный вариант всерьез не воспринимался. Выводить же колонии ветеранов пунической войны в земли италийских племен, которые не только не провинились перед римлянами, а, наоборот, оказывали посильную военную помощь, было бы несправедливым. Колонии, как правило, основывались по праву победителя на захваченной земле сразу после покорения ее обитателей, что воспринималось последними как прямое и логичное следствие собственного поражения. Теперь же изменение статус-кво в землевладении в пользу ветеранов за счет местных племен спровоцировало бы союзников на войну: «Даже в тех условиях, когда сельская община не входит в коллектив полноправных граждан, [...] она не только со-

---

¹⁴⁵ В 342-322 гг. выведены поселения Калес и Фрегеллы (Liv. Per. 8); 321-304 гг. – Свесса и Понтия (Per. 9); 303-293 гг. – Сора, Альба и Карсеолы (10); 292-287 гг. – Кастр, Сена и Адрия (11); 278-272 гг. – Посидония и Коза (14); 272-268 гг. – Аримин в Пицене и Беневент в Самнии (15); 268-261 гг. – Эзерния (16); 254-241 гг. – Фрегена и Брундизий, что в области саллентинов (19).

¹⁴⁶ Flor. I. 21; Liv. Per. XVI; Val. Max. IX. 1.

¹⁴⁷ Liv. XXI. 63. 3.

храняет организацию и общность прав и обязанностей, как внутри своего коллектива, так и в отношении покорителей, но и выступает как коллективный владделец земли, номинально принадлежащей покорившему ее государству, и даже фактический собственник по крайней мере части этой земли»¹⁴⁸.

Лишь на девятый год, после завершения I Пунической войны, в 232 г. народный трибун Гай Фламиний вопреки воле сената провел через народное собрание закон о разделе между гражданами земли в Пиценской и Галльской областях, завоеванных еще в 285 г.¹⁴⁹ Полибий пишет об этом решении: «Закон этот провел ради снискания себе народного расположения Гай Фламиний и тем, можно сказать, положил начало порче нравов у римлян...»¹⁵⁰. Реализация инициативы Фламиния обернулась в Кельтскую войну 225-222 гг.: племена галатов, населявшие земли, подлежащие разделу между римскими гражданами, поднялись на борьбу, убежденные в том, что «римляне ведут войну с ними не за преобладание или владычество, но за совершенное изгнание и истребление их»¹⁵¹. Одержав победу¹⁵², римляне в 220 г. подвели к указанным областям вымощенную дорогу Фламиния, обеспечившую бесперебойную связь Рима с Северной Италией и быструю переброску войск. Лишь в 218 г. – к началу II Пунической войны, накануне вторжения Ганнибала в Италию – было принято решение срочно заселить в земли отвоеванной заново Галатии граждан, на которых распространялся аграрный закон Фламиния. Поселенцы получили приказ быть на местах в тридцатидневный срок. Таким образом были основаны две колонии, Плаценция и Кремона, к поселению в которых было назначено по шесть тысяч человек¹⁵³.

II Пуническая война 218-201 гг. в которой Ганнибалу удалось подвергнуть угрозе сами основы римской государственности, с точки зрения обозначенной выше новой проблемы в ветеранском вопросе (наделение земель ветеранов, вернувшихся с заморского похода) решение было найдено благодаря... Ганнибалу, который, проникнув в пределы Италии, смог привлечь на свою сторону некоторые италийские племена. По завершении войны сенат сурово наказал отпавших италийских союзников, в том числе выведением поселений ветеранов в их земли. Зато появилось еще одно, новое, обстоятельство в военной системе, которое, со временем, станет решающим в судьбе римской республики.

После сокрушительного поражения 2 августа 216 г. в битве под Кан-

---

¹⁴⁸ Маяк И.Л. Проблема генезиса римского полиса. // ВДИ. 1976. № 4. с. 47.

¹⁴⁹ Cic. Acad. II. 13; Cato maior. 4; Brut. 14; Polyb. II. 21.

¹⁵⁰ Polyb. II. 21.

¹⁵¹ Polyb. II. 21.

¹⁵² Polyb. II. 22-35.

¹⁵³ Polyb. III. 40.

нами, в которой Ганнибал наголову разбил вдвое численно превосходящую римскую армию, когда большая часть самих италийских племен добровольно покорилась пуннийцу, Капуя, второй город в Италии, распахнула перед ним свои ворота¹⁵⁴, сенат назначил диктатором Марка Юния Пера и объявил тотальную мобилизацию: «в солдаты брали юношей, начиная от семнадцати лет, а некоторых и моложе. [...] Граждан не хватало, и необходимость заставила прибегнуть к неслыханному виду набора: восемь тысяч молодых сильных рабов расспрошены были поодиночке, хотят ли они быть солдатами – их выкупили и вооружили на государственный счет»¹⁵⁵. Таким образом, в чрезвычайных условиях, когда Рим в панике «дрожал, крича, что Ганнибал у ворот»¹⁵⁶, впервые доступ на воинскую службу получили неимущие граждане и даже вольноотпущенники. В 212 г. «сенат велел консулам продолжать набор и назначить две комиссии триумвиров. Им надлежало обойти одной в пределах, другой – за пределами пятидесяти миль от Города сельские округа, рынки, торговые городки и, освидетельствовав всех свободнорожденных, отправить на военную службу всех, кто в силах носить оружие, хотя бы они и не достигли еще положенного возраста. Народным трибунам было поручено, если им это угодно, обратиться к народу с предложением, чтобы новобранцам, принесшим присягу, когда им еще не было семнадцати лет, жалованье начислять точно так же, как если бы им уже исполнилось семнадцать лет или больше. Две комиссии триумвиров, назначенные по сенатскому постановлению, занялись поисками свободнорожденных по деревням»¹⁵⁷.

Во время II Пунической войны проявил себя один из наиболее выдающихся полководцев Рима Публий Корнелий Сципион. В 209 г. ему удалось овладеть главной опорной базой Ганнибала в Испании – Новым Карфагеном, вскоре после чего карфагеняне, терпя поражения, вынуждены были свернуть военное присутствие на Пиренеях и сосредоточиться на войне в Италии. За одержанную в Испании победу Сципион стал первым римским полководцем, которого солдаты провозгласили императором¹⁵⁸. Римляне тем временем продолжали опустошительную войну с Ганнибалом на собственной территории – в Италии. В 205 г. вернувшийся из Испании героем молодой Сципион, досрочно (что также было прецедентом) ставший консулом, выступил с идеей перевести войну в Африку, на родину карфагенян. К африканской кампании Сципиона, впоследствии оказавшейся для римлян «величайшей и славнейшей», в Риме поначалу отнеслись

---

¹⁵⁴ Plut. Fab. 17.

¹⁵⁵ Liv. XXII. 57. 9, 11.

¹⁵⁶ Oros. V. 24. 5.

¹⁵⁷ Liv. XXV. 5. 6-9.

¹⁵⁸ Liv. XXVII. 19. 4.

«незаботливо»¹⁵⁹. После упорных дискуссий ему позволили совершить поход в Африку, чтобы вынудить Ганнибала вернуться защищать родину. Вместе с тем, Сципиону «не разрешили набирать войско в Италии, страдавшей от Ганнибала; добровольцев же, если такие есть, разрешили вести с собой и использовать тех, которые находились еще в Сицилии»¹⁶⁰. Из Италии он вышел с армией, насчитывавшей до 7 тысяч пехотинцев и всадников¹⁶¹. Учитывая, что все военнообязанные были мобилизованы для защиты от Ганнибала в самой Италии, мы можем сделать вывод, что добровольцы, составившие костяк армии Сципиона, не будучи военнообязанными, были выходцами из малообеспеченных, безземельных слоев римского общества.

Высадка Сципиона в 204 г. в Африке заставила Ганнибала со своей армией, так и не потерпевшего ни одного поражения, покинуть Италию и вернуться в Карфаген. Спустя два года в битве при Заме Сципион, при поддержке нумидийской конницы, нанес поражение непобедимому доселе Ганнибалу, предрешившее исход войны, результат в которой обеспечили набранные из пролетарской среды солдаты. В 201 г. Карфаген капитулировал. В том же году сенат принял решение о выделении ветеранам, проделавшим со Сципионом африканскую кампанию, земельных участков на отошедших во владение римского народа землях в Самнии и Апулии, население которых оказывало поддержку Ганнибалу¹⁶². В 200 г. «было также принято постановление, по которому воины получали за каждый год боевой службы в Испании и Африке по два югера земли, ведать же раздачей этих наделов поручили децемвирам»¹⁶³.

Практика выведения римских и латинских колоний на земли городов, отпадавших от Рима во время войны с Ганнибалом, активно продолжилась¹⁶⁴. С 197 по 195 гг. были выведены пять колоний на морское побережье: в Буксент, две – в устья рек Вултурна и Литерна, одна в Путеолы, одна в Салернскую крепость¹⁶⁵. В 195 г. – выведены колонии римских граждан на Сипонтские земли, принадлежавшие прежде арпийцам, в Темпсу и в Кротон¹⁶⁶. Спустя год – в земли бруттийцев и Френтинскую крепость, где пехотинцы получили по двадцать, а конники по сорок югеров¹⁶⁷, выведены две латинских колонии¹⁶⁸. В 191 г. принято решение о выведении колонии в

---

¹⁵⁹ App. Punic. 7.

¹⁶⁰ App. Punic. 7.

¹⁶¹ App. Punic. 8.

¹⁶² Liv. XXXI. 4. 1, 2.

¹⁶³ Liv. XXXI. 4. 1, 2.

¹⁶⁴ Vell. I. 15.

¹⁶⁵ Liv. XXXII. 29. 3, 4.

¹⁶⁶ Liv. XXXIV. 45. 3.

¹⁶⁷ Liv. XXXV. 9. 9.

¹⁶⁸ Liv. XXXIV. 53. 1.

три тысячи семьсот пехотинцев и триста конников в Вибону¹⁶⁹, город на юге Италии (в Бруттии) на побережье Тирренского моря. В 190 г. колонии Кремона и Плацентия были дополнительно заселены шестью тысячами семей, выведены две новые колонии в Северной Италии¹⁷⁰. В том же году колония латинского права была выведена в отнятую у галльского племени бойев Бононию, куда переселилось три тысячи человек, из которых конникам было дано по семьдесят югеров, остальным поселенцам – по пятьдесят¹⁷¹. В конце 186 г. сенат постановил заново заселить две опустевшие колонии, Сипонт на Адриатическом и Буксент на Тирренском морях¹⁷². В 183 г. были выведены колонии: Потентия в Пицен и Пизавр в Галльскую область, где каждому колонисту досталось по шесть югеров земли¹⁷³; колонизированы были отнятые у боев Мутина и Парма, в которых поселилось по две тысячи римских граждан, получивших, соответственно, по пять и восемь югеров; переселенцы в колонию римского права Сатурнию, городок в Этрурии, получали надел в десять югеров; было принято решение о выведении латинской колонии в Аквилею¹⁷⁴. В основанную на далеком северо-востоке Италии у границы с Иллирией Аквилею даже среди италийцев долгое время не могли найти желающих переселиться, несмотря на обещание каждому рядовому поселенцу по пятьдесят югеров земли¹⁷⁵.

Отметим, что на протяжении практически всего периода активного выведения колоний Сципион Публий Корнелий, получивший за победу в Пунической войне прозвище Африканский, со своими сторонниками оказывал определяющее влияние на всю политическую жизнь Рима: с 199 по 184 гг. он был принцепсом сената, т.е. имя его стояло первым в списке сенаторов, и он имел право первым высказывать свое мнение, которым, как правило, руководствовались сенаторы. Популярность победителя Ганнибала была столь высока, что народное собрание собиралось всерьез рассматривать вопрос об избрании Сципиона Африканского бессрочным консулом и диктатором, но он сам отказался от этого¹⁷⁶. Следует отметить, что еще в 209 г. испанцы провозглашали своего покорителя царем, но тогда Сципион «объявил, что хотя и желал бы казаться для всех и быть на самом деле человеком с царскою душой, но не желает ни быть царем, ни именоваться таковым»¹⁷⁷, так как «царское звание, столь уважаемое у других народов, в

---

¹⁶⁹ Liv. XXXV. 40. 5.

¹⁷⁰ Liv. XXXVII. 46. 10; 47. 1.

¹⁷¹ Liv. XXXVII. 57. 7, 8.

¹⁷² Liv. XXXIX. 23. 3.

¹⁷³ Liv. XXXIX. 44. 10.

¹⁷⁴ Liv. XXXIX. 56. 5.

¹⁷⁵ Liv. XL. 34. 2; XLIII. 1. 5.

¹⁷⁶ Liv. XXXVIII. 56. 12.

¹⁷⁷ Polyb. X. 40.

Риме ненавистно»¹⁷⁸. Также и в дальнейшем «Публий благородством души настолько превосходил всех людей, что отклонил от себя высшее благо, какого только люди могут просить у богов, именно царскую власть, хотя судьба много раз давала ему благо это в руки; выше собственного почетного и завидного положения он ставил отечество и долг перед ним»¹⁷⁹.

Со временем могущество Сципиона вызвало в Риме не менее мощное противодействие проводимой им политике и критику «на засилье Сципионов в сенате»¹⁸⁰. Однажды, когда в сенате обсуждался вопрос о выделении денег на неотложные нужды и квестор, сославшись на формальную причину, отказался открывать государственное казначейство, разгневанный Сципион громогласно объявил сенаторам, что лично заберет ключи и откроет казну, ибо «государство обязано ему тем, что казначейство заперто»¹⁸¹.

Принципиальным противником Сципиона выступал другой символ эпохи – Марк Порций Катон. Ярый борец за чистоту нравов и соблюдения морали, Катон, еще в 204 г., состоя перед африканской кампанией квестором на службе у Сципиона, критиковал своего военачальника за расточительность и щедрую раздачу солдатам денег, жалуясь сенату, что «он губит исконную римскую простоту, ибо воины, не зная нужды ни в чем, привыкают к удовольствиям и изнеженности»¹⁸². Вскоре, после триумфального возвращения Луция Корнелия Сципиона с войны 192-189 гг. с Антиохом III, в которой Сципион Африканский, в качестве легата, фактически руководил военными действиями, благодаря стараниями Катона, оба брата были привлечены к суду по обвинению в хищении военной добычи и получении взятки от селевкидского царя за излишне мягкие условия мира¹⁸³. Сенат потребовал у Публия Сципиона отчета о расходовании денег, полученных от Антиоха на уплату жалованья войску, на что тот заявил, что «он не обязан отчитываться перед кем бы то ни было». Когда же кто-то из сенаторов проявил настойчивость, доставленные счетные книги Сципион демонстративно изорвал прямо на глазах у изумленных сенаторов¹⁸⁴, гневно спрашивая, «почему они так доискиваются отчета о том, каким образом и кем израсходованы три тысячи талантов, между тем не спрашивают, каким образом и через кого поступили к ним те пятнадцать тысяч талантов, которые получены ими от Антиоха, равно как и о том, каким образом они сделались обладателями Азии, Ливии, а также Иберии»¹⁸⁵.

---

¹⁷⁸ Liv. XXVII. 19. 4.

¹⁷⁹ Polyb. X. 40.

¹⁸⁰ Liv. XXXVIII. 54. 6.

¹⁸¹ Polyb. XXII. 14.

¹⁸² Plut. Cato. Major. 3.

¹⁸³ Plut. Cato. Major. 3; Liv. XXXVIII. 50-57.

¹⁸⁴ Liv. XXXVIII. 55. 10.

¹⁸⁵ Polyb. XXII. 14.

Брат Сципиона Африканского, Луций Сципион Азиатик был признан виновным в присвоении государственных средств и приговорен к выплате крупного штрафа, однако денег у него не нашли и от тюрьмы его спасло veto народного трибуна Тиберия Гракха¹⁸⁶. В 184 г. ставший цензором Катон исключил Сципиона Азиатика из всаднического сословия¹⁸⁷.

День судебных слушаний по делу самого Сципиона Африканского совпадал с годовщиной битвы при Заме. Явившись на заседание, он вышел на трибуну, сказал только: «В этот день, квириты, я победил Карфаген!» – и в сопровождении всего народа отправился на Капитолий, чтобы произвести благодарственные жертвоприношения¹⁸⁸. Лишь обвинители в одиночестве остались на площади. Несмотря на яркую моральную победу над своими противниками, Сципион, тем не менее, решил удалиться из Рима в свое поместье у Литерна, в Кампании, и «хотя не был ни изгнан, ни осужден приговором, был привлечен к суду, и отказавшись туда явиться, вопреки официальному вызову, обрек себя не только на пожизненную, но даже и на посмертную ссылку»¹⁸⁹.

Публий Корнелий Сципион Африканский умер в 183 г. Представляется не случайным, что резкое снижение активности в выведении колоний и наделении ветеранов землей по времени совпало с его смертью. В 181 г. в маленький приморский городок Грависки, близ Тарквиний, была выведена колония, по пять югеров земли на поселенца¹⁹⁰, и с согласия пизанцев на их землях было основано поселение Луна, где двум тысячам латинских колонистов были нарезаны участки по пятьдесят один с половиной югер¹⁹¹. Колонии в Грависки и Луне, где, кстати, очень скоро из-за земельных наделов произошел конфликт между пизанцами и лунянами¹⁹², стали последними колониями, выведенными по решению римского сената. Последовавшее длительное отсутствие решений о выводе поселений и наделении ветеранов земельными наделами вылилось к середине 30-х гг. II в. до н.э. в политический кризис, известный под названием Движение Гракхов, из которого республиканскому Риму так и не удалось, несмотря на периоды относительной стабильности, вырваться.

Одним из следствий войн на богатом Востоке стало распространение в Риме показной роскоши и падение нравов: в 80-х гг. II в. до н.э. римское «воинство впервые познакомило Рим с чужеземной роскошью, понавезя с собой пиршественные ложа с бронзовыми накладками, дорогие накидки и

---

¹⁸⁶ Liv. XXXVIII. 56. 8.

¹⁸⁷ Liv. XXXIX. 44. 1.

¹⁸⁸ Liv. Per. XXXVIII.

¹⁸⁹ Liv. XXXIX. 52. 8.

¹⁹⁰ Liv. XL. 29. 1.

¹⁹¹ Liv. XL. 43. 14; XLI. 13. 5.

¹⁹² Liv. XLV. 13. 10.

покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева. Именно тогда повелось приглашать на обеды танцовщиц и кифаристок, шутов и пантомимов, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. Именно тогда стали платить огромные деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварский труд из обычной услуги возвели в ранг настоящего искусства. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов»¹⁹³. Беспощадной борьбе с роскошью, поскольку слишком многие были уже заражены и развращены ею, посвятил большую часть своего цензурства 184 г. Марк Катон. По его инициативе в десять раз были увеличены подати с одежды, повозок, женских украшений и домашней утвари, стоивших более полутора тысяч денариев; в три раза, до 0,3% была увеличена ставка налога на имущество¹⁹⁴. Чтобы поднять престиж службы в армии, Луцием Виллием, народным трибуном 180 г., был проведен закон, согласно которому право избрания в магистратуры предоставлялось гражданам только после военной службы, с промежутком в три года между каждой из них: квестура – в возрасте не ниже 27 лет, эдилитет – 30, претура – 33, консулат – 36¹⁹⁵.

В 168 г. консул Луций Эмилий Павел нанес македонскому царю Персею поражение при Пидне, что предопределило победу римлян в III Македонской войне 171-168 гг. В качестве военной добычи были изъяты огромные сокровища македонян, а побежденное царство – преобразовано в римскую провинцию. Сданное в казначейство несметное богатство позволило Риму надолго (практически на весь республиканский период) полностью отменить личные налоги с римских граждан¹⁹⁶. Однако эта же мера привела к тому, что те граждане, которые шли в армию из нежелания или неспособности платить личный налог, теперь могли вовсе отказаться от воинской службы. Очередной наплыв роскоши в Рим привел к тому, что «распушенность как бы прорвалась наружу в описываемое нами время прежде всего потому, что после разрушения Македонского царства мировое владычество римлян казалось нерушимым; потом, вследствие прилива из Македонии в Рим больших сумм денег, приумножилось благосостояние отдельных граждан и государственное богатство»¹⁹⁷.

Ветераны Эмилия Павла не получили никаких земельных наделов. Плутарх пишет, что «при всей благосклонности, при всем уважении, которые питал к нему народ, Эмилий был приверженцем аристократии и никогда ни словом ни делом не угождал толпе, но при решении любого вопроса

---

¹⁹³ Liv. XXXIX. 6. 7.

¹⁹⁴ Plut. Cato. Major. 18.

¹⁹⁵ Liv. XL. 44. 1.

¹⁹⁶ Cic. De off. II. 76; Plut. Paul. 38.

¹⁹⁷ Polyb. XXXII. 11.

государственной важности неизменно присоединялся к самым знатным и могущественным»¹⁹⁸. Очевидно поэтому вопрос о наделении своих ветеранов землей он даже не пытался инициировать. Более того, воины остались недовольными даже размером денежного вознаграждения, из-за чего чуть было не сорвали триумф Эмилию Павлу¹⁹⁹.

В 151 г. сенат, недовольный непрекращающимися боевыми действиями в испанских провинциях, решил направить в эти провинции новое войско во главе с консулом Луцием Лицинием Лукуллом. Был объявлен призыв. Но неожиданно выяснилось, что молодежь любыми правдами и неправдами избегает службы в армии²⁰⁰. Более того, «на должность военных трибунов не объявлялось достаточного числа кандидатов и некоторые места остались незанятыми, тогда как раньше желающих занять эту должность являлось в несколько раз больше, чем сколько требовалось; равным образом выбираемые консулами легаты, которые должны были сопровождать военачальника, отказывались следовать за ним»²⁰¹. Полибий пишет, что «самое худшее было, однако, то, что молодежь уклонялась от военной службы под такими предлогами, которые стыдно было бы назвать, непристойно проверять и невозможно опровергать»²⁰². Консулы Лициний Лукулл и Авл Постумий Альбин прибегали к самым суровым мерам, чтобы обеспечить воинский призыв. При этом, с одной стороны, «многие жаловались, что консулы несправедливо записывают в войска и некоторых лиц зачисляют в более легкие походы»²⁰³, а с другой – консулы игнорировали ходатайства народных трибунов, добивавшихся поблажек для своих друзей. В ответ на это трибуны пошли на беспрецедентный шаг, заключив консулов в тюрьму²⁰⁴. Тогда сенат впервые решил сформировать войско по жребию, а не по набору²⁰⁵. Но и эта мера не принесла результатов. Сенат уже недоумевал, чем может кончиться позорное поведение юношества, и не знал, что предпринять, когда Публий Корнелий Сципион, сын Эмилия Павла, покорителя Македонии, обратился к сенаторам с просьбой отправить его в Иберию²⁰⁶ в звании трибуна или же легата: «Для меня лично было бы безопаснее и выгоднее идти в Македонию, однако, нужды отечества значат больше, и всякого, жаждущего славы, они призывают в Иберию»²⁰⁷. Решение Сципиона отправиться на службу военным трибуном в Испанию позво-

---

¹⁹⁸ Plut. Paul. 38.

¹⁹⁹ Liv. Per. XLVII.

²⁰⁰ Oros. IV. 21. 1.

²⁰¹ Polyb. XXXV. 4.

²⁰² Polyb. XXXV. 4.

²⁰³ App. Iber. 49.

²⁰⁴ Liv. Per. XLVIII.

²⁰⁵ App. Iber. 49.

²⁰⁶ Oros. IV. 21. 1.

²⁰⁷ Polyb. XXXV. 4.

лило обеспечить призыв: «И действительно, молодые люди, робевшие раньше, теперь из боязни невыгодного сопоставления одни спешили предлагать свои услуги военачальникам в звании легатов, другие целыми толпами и товариществами записывались в военную службу»²⁰⁸. Нам представляется, что перелом в настроениях молодежи, любыми способами избегавшей службы в армии, был вызван не столько авторитетом самого молодого Сципиона, сколько тем, что он был усыновлен сыном Сципиона Африканского, прославленного полководца, победителя Ганнибала, ветераны которого были обеспечены земельными наделами в Италии. Ассоциативно новобранцы полагали, что и молодой Публий Корнелий Сципион, так же как и его знаменитый дед, позаботится о предоставлении им земельных участков за верную службу Риму.

Тем временем, пока завершился призыв и Лукулл выступил походным маршем в Испанию, еще до его прибытия война с беллами, титфиями и аруаками окончилась: Марцелл сумел заключить с ними мир на условиях, затребованных сенатом²⁰⁹. Ситуация, когда с трудом, несомненно, под обещания получить достойное вознаграждение за службу, набранное войско прибыло на театр предполагаемых боевых действий и выяснилось, что воевать, собственно говоря, не с кем, а значит и не с кого требовать военную добычу, не могла разрешиться ничем хорошим: «Лукулл, жаждая славы и **по своей бедности нуждаясь в добыче**, вторгся в пределы ваккеев, другого племени кельтиберов, которые были соседями аруаков, хотя он не имел на это мандата от сената, да и ваккеи не вели войны с римлянами и ни в чем не провинились по отношению к самому Лукуллу»²¹⁰. Когда ваккеи прислали послов к Лукуллу выяснить «чего ради пришел он сюда, что ему нужно и почему надо вести войну», то, при том, что карпетанции не обращались к римлянам за помощью», получили ответ консула, что «пришел он, помогая карпетанцам, которых обижают ваккеи»²¹¹. Когда старейшины осажденного Кавка, 20-тысячного города ваккеев, явились к Лукуллу и униженно запросили мира, консул потребовал от них заложников и сто талантов серебра. После того, как требование было удовлетворено, Лукулл пожелал, чтобы в город вошел римский гарнизон. Когда ваккеи согласились и на это, римское войско вступило в город и по сигналу приступило к поголовному истреблению жителей, не щадя ни пола, ни возраста²¹².

После этого Лукулл огнем и мечом прошел по землям ваккеев, и приступил к осаде Интеркация, где, как предполагалось, хранилось много золота. Помня об участи Кавка, интеркатийцы не желали заключать с Лукуллом

---

²⁰⁸ Polyb. XXXV. 4.

²⁰⁹ App. Iber. 50.

²¹⁰ App. Iber. 51.

²¹¹ App. Iber. 51.

²¹² App. Iber. 52.

мира. Длительная осада не дала результатов. Лишь поручительство Сципиона побудило горожан согласиться дать Лукуллу 10 тысяч плащей, стадо мелкого скота и пятьдесят заложников: «золота же и серебра, которого требовал Лукулл, – ведь ради этого он и войну-то начал, полагая, что вся Иберия полна золотом и серебром, – он не получил: они их не имели, да кельтиберы их и не ценят»²¹³. Затем Лукулл направился к Палланцию и осадил этот богатый золотом город. Вскоре возникшие проблемы с продовольствием заставили римлян снять осаду и уйти зимовать в землю турдетан. Таким образом завершилась война с ваккеями, которая велась без воли римского народа²¹⁴.

В 150 г. консул Лукулл и претор Сервий Гальба вторглись с разных направлений в земли лузитан с одной общей целью – грабить местное население. Когда некоторые лузитанские племена прислали к Гальбе послов с просьбой о мире, тот предложил переселить эти племена в более плодородные земли²¹⁵. Согласившись на эти условия, они, согласно приказу, разделились на три части, после чего каждая направилась в отдельную долину дожидаться дальнейших указаний. Прибыв к первой из частей, Гальба приказал им сложить оружие, после чего окружил их войсками и отдал приказ на истребление. Такая же участь постигла и остальные две части лузитанских племен. После этого Гальба, «являясь еще более алчным, чем Лукулл, немного из добычи роздал солдатам, немного дал друзьям, все же остальное присвоил себе, хотя он являлся богачейшим из всех римлян»²¹⁶. Среди немногих спасшихся от истребления лузитан был Вириат, который в 146 г. возглавит борьбу лузитанцев против римлян²¹⁷.

В Риме тем временем обсуждался вопрос о Карфагене, который, согласно поступавшим сведениям, в нарушение условий мирного договора 201 г., стал набирать армию и формировать флот для отражения нападения нумидийского царя Масинисса, союзника Рима. По итогам посольской миссии в Карфаген престарелый Марк Порций Катон пришел к выводу, что карфагеняне способны возродить былое могущество и в будущем представлять опасность Риму не меньшую, чем когда-то Ганнибал²¹⁸. Поэтому он считал необходимым устранить угрозу в зародыше и настойчиво призывал сенат санкционировать войну, завершая любую свою речь словами: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»²¹⁹. Оппонентом Катона, заявляя – «Мне кажется, что Карфаген должен существовать» – высту-

---

²¹³ App. Iber. 54.

²¹⁴ App. Iber. 55.

²¹⁵ App. Iber. 59.

²¹⁶ App. Iber. 60.

²¹⁷ App. Iber. 62; Liv. Per. XLII.

²¹⁸ Liv. Per. XLVIII; XLIX; Plut. Cato major. 26.

²¹⁹ Cic. Cato. 18; Flor. I. 31. 4; Plin. 15. 74; Plut. Cato major. 26; Vel. I. 31. 4.

пал Публий Корнелий Сципион Назика, который считал, что наличие у Карфагена войска и флота – еще не законный повод к войне. Примечательно, что окончательное решение о начале войны было принято исходя из внутренней ситуации в самом Риме²²⁰, причем мнение Сципиона Назики и Катона по этому вопросу практически совпадало. Так, первый считал, что «народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти», а второй – «римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой»²²¹. Однако, если Назика «хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением», то Катон, исходя из того же, «считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, [...] опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне»²²². В сенате возобладало мнение Катона – в 149 г. началась III Пуническая война. В самом ее начале в возрасте 85 лет Катон скончался, предсказав перед смертью, что Карфаген будет разрушен П. Корнелием Сципионом Эмилианом, воевавшим в тот момент в должности военного трибуна: «Он лишь с умом; все другие безумными теньями реют»²²³.

Два года военных действий не принесли желаемого результата. Увязнув в длительной осаде Карфагена, римская армия стала постепенно разлагаться из-за летнего зноя, болезней, упадка дисциплины и успешных вылазок противника. В 147 г. сенат, в качестве чрезвычайной меры, разрешил Сципиону Эмилиану, не прошедшему еще всех положенных магистратур, досрочно избраться консулом и возглавить римскую армию²²⁴. Новому главнокомандующему было разрешено произвести дополнительный призыв, чтобы возместить численность погибших, а также «взять с собой из союзников столько добровольцев, сколько сумеет убедить, и отправить письма к царям и городам, которым сочтет нужным, написав их от имени римского народа»²²⁵. В ставке Сципиона начал военную службу Тиберий Гракх, брат его жены и внук Сципиона Африканского-старшего²²⁶.

---

²²⁰ Oros. IV. 23. 9.

²²¹ Plut. Cato major. 27.

²²² Plut. Cato major. 27.

²²³ Polyb. XXXVI. 8; Plut. Cato major. 27.

²²⁴ App. Liv. 112.

²²⁵ App. Liv. 112.

²²⁶ Plut. Tib. Gr. 4.

Прибыв в Африку, Сципион Эмилиан первым делом восстановил дисциплину в римской армии. Призвав легионеров к порядку, он предупредил их о последствиях ослушания, а также изгнал из лагеря торговцев и скупщиков и заставил солдат избавиться от предметов роскоши²²⁷. Восстановив боеспособность армии, Сципион разгромил отряды карфагенян, действовавшие на тыловых коммуникациях римлян, после чего приступил к осаде Карфагена. Выстроенная система укреплений полностью блокировала город с суши, а возведенная у входа в городскую гавань плотина – с моря. Со временем голод и болезни ослабили гарнизон осажденного города, и весной 146 г. был предпринят общий штурм Карфагена. Шесть дней велись ожесточенные сражения на стенах, улицах и в домах города, прежде чем отчаянное сопротивление карфагенян было потоплено в крови.

При виде окончательной гибели Карфагена Сципион заплакал. Он долго стоял в раздумье о том, что города, народы, целые царства, подобно отдельным людям, неизбежно испытывают превратность судьбы и вслух произнес строки из «Илиады»:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя.
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

Стоявший рядом с ним историк Полибий спросил, как понимать его слова. Взяв себя в руки, Сципион обернулся к нему и сказал: «Хорошо; но я терзаюсь страхом при мысли, что некогда другой кто-нибудь принесет такую же весть о моем отечестве»²²⁸.

Развалины Карфагена были отданы на несколько дней на разграбление солдат, которым было разрешено забирать все, кроме золота, серебра и храмовых посвящений, которые подлежали сдаче в войсковую казну²²⁹. После этого город, который перед последней войной населяло 700 тысяч жителей²³⁰, согласно сенатской инструкции, был стерт с лица земли, место его было проклято и по развалинам прошли плугом в знак того, что здесь никогда не должен селиться человек. Территория Карфагена была провозглашена провинцией Африка с административным центром в Утике, а ее земли стали общественной собственностью Рима. В том же году консул Квинт Цецилий Метелл замирил греческую Ахайю и по постановлению сената разрушил до основания Коринф, где ранее были оскорблены римские послы²³¹.

В 145 г. по возвращении в Рим Сципион Эмилиан был удостоен прозвища Африканский и, вслед за Квинтом Цецилием Метеллом, справил

---

²²⁷ App. Liv. 115; 117.

²²⁸ Polyb. XXXIX. 5.

²²⁹ App. Liv. 133.

²³⁰ Strabo. XVII. 3. 15.

²³¹ Liv. Per. XLII.

пышный триумф²³². Логично предположить, что солдаты, вернувшиеся с карфагенского похода, да и ветераны остальных войн, ожидали, что Сципион позаботится о наделении их земельными участками. Свободных земельных ресурсов в Италии не было. С другой стороны, процесс укрупнения земельных участков на общественных землях богатыми гражданами, которые прибирали к рукам соседние участки через подставных лиц, достиг небывалых размеров. Ближайший друг Сципиона Африканского-младшего, блестящий оратор Гай Лелий, занимавший в 145 г. должность претора²³³, выдвинул земельный законопроект²³⁴, по сути, предлагавший обеспечить соблюдение ограничения на земельные участки в 500 югер, введенные Законом Секстия и Лициния в 367 г.²³⁵, и распределить высвободившиеся участки между безземельными гражданами-ветеранами, вероятно, семиюгерными наделами²³⁶. Инициатива Лелия натолкнулась на жестокое сопротивление сената и могущественных граждан²³⁷. Очевидно, аграрный законопроект был поддержан народным трибуном Гаем Лицинием Крассом²³⁸, который, вопреки традиции, когда трибуны держали свои речи лицом к сенату и спиной к народу, «первым начал обращаться к народу, говоря на форуме»²³⁹. Вынесение закона на голосование в народном собрании неминуемо вызвало бы беспорядки в Риме. В сложившейся ситуации Сципион пошел на попятную – Лелий отозвал свой законопроект²⁴⁰, печально констатировав при этом: «В другой день!»²⁴¹. За отказ от претворения зако-

---

²³² App. Liv. 135; Liv. Per. XLII.

²³³ Cic. Lael. 96; Brut. 83; Nat. deor. 3. 5.

²³⁴ Достоверных данных о дате попытки Лелия нет, в связи с чем различными исследователями предлагаются 151 г., 145 г., 141-140 гг., и 151-140 гг. (См. Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов. 1985. с. 109-110). Мы согласны с датировкой 145 г., которой придерживается Я.Ю. Заборовский (Там же. с. 97-98), добавив в пользу этого следующий аргумент. По Аппиану, в 145 г. римляне «решили послать в Иберию Фабия Максима Эмилиана, сына того Эмилия Павла, который взял в плен македонского царя Персея, и поручили ему самому произвести набор. Зная, что римляне еще так недавно завоевали Карфаген и Элладу и привели к благополучному концу третью войну в Македонии, шадя людей, которые только что вернулись с этих войн, он стал набирать себе два легиона молодых новобранцев, еще не испытанных на войне». Очевидно, что ветеранов Пунического и Македонского походов решено было оставить в Риме, чтобы они имели возможность воспользоваться правом получения земли в случае принятия в 145 г. аграрного закона. Кроме того, так как набор Фабием Максимом, братом Сципиона, был произведен без особых проблем, то и новобранцы, скорее всего, поступали на службу в расчете на земельный надел по возвращении из похода, ведь если такой перспективы для них не стояло, то они как раньше и уже позже, когда законопроект провалился, всячески бы избегали воинской службы.

²³⁵ Plut. Tib. Gr. 8.

²³⁶ Varro. I. 2. 9.

²³⁷ Plut. Tib. Gr. 8.

²³⁸ Varro. I. 2. 9.

²³⁹ Cic. De amicit. 96.

²⁴⁰ Plut. Tib. Gr. 8.

²⁴¹ Cic. Phil. II. 83.

нопроекта в жизнь Гай Лелий получил прозвище «Мудрый»²⁴².

Ветераны вновь остались без земельных наделов. Прямым следствием этого становилось массовое обнищание граждан. «Число италийцев уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они и бывали свободны от нее, то все же продолжали оставаться бездеятельными: ведь землю владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными»²⁴³. Не имея возможности содержать семьи, ветераны, возвращавшиеся из походов, не вступали в браки. В результате снижалась рождаемость и, со временем, сокращалась численность римских призывников. Сами же призывники вновь стали избегать службы в армии. В частности, в 138 г., чтобы обеспечить призыв для отправки в Испанию, консулам Публию Корнелию Назике и Дециму Юнию Бруту вновь пришлось прибегнуть к жестким мерам, за что они были отправлены народными трибунами в тюрьму²⁴⁴. Возможно, именно в это время в очередной раз был снижен имущественный ценз для военнообязанных с 4000 до 1500 ассов²⁴⁵.

В Испании тем временем местные племена продолжали оказывать сопротивление регулярным римским войскам. Война с лузитанцами продолжалась до 139 г., когда их предводитель Вириат, с которым римляне не могли справиться в течение восьми лет, был предательски убит собственным окружением²⁴⁶. В 143 г. в центральных областях Испании против римлян восстали нумантинцы. В течение десяти лет тридцатидвухтысячная армия римлян не смогла нанести поражения восьмитысячной армии нумантинцев. В 137 г. консул Манцин даже потерпел поражение от четырехтысячной армии противника²⁴⁷. Лишь Тиберий Гракх, служивший квестором в войске Манцина, спас римскую армию от уничтожения, так как нумантинцы согласились вступить с ним в переговоры, «храня память об его отце, Тиберии, который, завершив войну в Испании [178 г.²⁴⁸] и покоривши множество народов, с нумантинцами заключил мир и всегда старался, чтобы римский народ твердо и нерушимо его хранил»²⁴⁹. По результатам переговоров было достигнуто соглашение о мире на условиях, заключенных еще отцом Тиберия Гракха.

Когда Тиберий Гракх вернулся в Рим и представил договор с нумантинцами сенату, сенаторы сочли документ недостойным римского народа и

---

²⁴²Plut. Tib. Gr. 8.

²⁴³ App. I. 7.

²⁴⁴ Liv. Per. XLV.

²⁴⁵ Aul. Gell. XVI. 10. 10.

²⁴⁶ App. Iber. 71; Liv. Per. XLIV.

²⁴⁷ Liv. Per. LV.

²⁴⁸ Liv. XLI. 6. 4.

²⁴⁹ Plut. Tib. Gr. 5.

отказали в его утверждении. Более того, было принято постановление виновника этого договора, консула Манцина, выдать нумантинцам²⁵⁰. Так как благодаря Гракху были спасены жизни римских солдат, то эта мера его не коснулась²⁵¹. Сципиону Африканскому специальным постановлением было разрешено повторно избраться консулом 134 г., после чего тот был назначен командующим против нумантинцев²⁵². Примечательно, что Сципион, так и не обеспечивший ветеранов III Пунической войны земельными наделами, в этот раз «отправился под Нуманцию, не взяв с собой по набору никакого войска»²⁵³. Очевидно, что он уже не рассчитывал на то, что его призыв найдет отклик среди сограждан, как это было в 151 г. Особым разрешением сената он взял с собой лишь добровольцев, присланных ему в силу личного расположения отдельными государствами и царями, а из Рима «своих клиентов и друзей, человек пятьсот, которых, соединив в один отряд, называл «отрядом друзей»²⁵⁴. В тот же год Тиберий Гракх был избран народным трибуном 133 г.

Вступив в должность, Гракх инициировал аграрный законопроект, составленный при участии видных римских граждан: верховного жреца Публия Красса Муциана, законоведа Муция Сцеволы, занимавшего в ту пору должность консула, и консула 143 г. Аппия Клавдия, тестя Тиберия²⁵⁵. Законопроект Гракха, по сути, требовал соблюдения ограничений на земельные участки в 500 югер, введенные Законом Секстия и Лициния в 367 г., а земли сверх лимита – распределить среди бедных и малоимущих граждан специально назначенной комиссией из трех человек. «Цель Гракха заключалась не в том, чтобы создать благополучие бедным, но в том, чтобы в лице их получить для государства боеспособную силу»²⁵⁶.

Представляя законопроект, Гракх произнес эмоциональную речь: «дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть свое место и свое пристанище, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, [читай, безземельных ветеранов] нет ничего, кроме воздуха и света, бездомными скитальцами бродят они по стране вместе с женами и детьми, а полководцы лгут, когда перед битвой призывают воинов защищать от врага родные могилы и святыни, ибо ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков, нет! – и воюют и умирают они за чужую роскошь и богатство, эти „владыки вселенной“, как их называют, которые ни единого комка земли не могут назвать

---

²⁵⁰ Liv. Per. LVI.

²⁵¹ Plut. Tib. Gr. 7.

²⁵² App. Iber. 84; Liv. Per. LVI.

²⁵³ App. Iber. 84.

²⁵⁴ App. Iber. 84.

²⁵⁵ Cic. Acad. II. 13; Plut. Tib. Gr. 9.

²⁵⁶ App. I. 11.

своим!»²⁵⁷. «Он говорил об италийском племени, о его чрезвычайной доблести, о его родственных отношениях к римлянам, о том, как это племя мало-помалу очутилось в бедственном положении, уменьшилось количественно и теперь не имеет никакой надежды поправить свое положение. С негодованием говорил Гракх о массе рабов, непригодных для военной службы, всегда неверной по отношению к своим господам. Он напомнил о том, как незадолго до того в Сицилии господа пострадали от рабов, сильно увеличившихся в своем числе из-за нужды в рабских руках для земледельческих работ; как трудно и долго римлянам пришлось бороться с этими рабами; как затянулась эта борьба и сколько разнообразных и опасных перипетий она имела»²⁵⁸.

Крупным землевладельцам предлагалась определенная компенсация: «Тем, кто заслуживал суровой кары за самоволие, кто бы должен был уплатить штраф и немедленно расстаться с землею, которою пользовался в нарушение законов, – этим людям предлагалось, получив возмещение, уйти с полей, приобретенных вопреки справедливости, и уступить их гражданам, нуждающимся в помощи и поддержке»²⁵⁹. Кроме того, их сыновьям полагалось иметь по 250 югеров, но не более тысячи югеров на одну семью²⁶⁰. Законом предусматривалось также, что общественная же земля, остававшаяся в распоряжении крупного землевладельца, бесплатно отдавалась в его вечное владение²⁶¹.

Аграрный законопроект был крайне негативно встречен сенаторами и, естественно, крупными землевладельцами общественной земли. Для противодействия Гракху прибегли к традиционному в таких случаях методу. Народный трибун Марк Октавий, уступив настойчивым просьбам сенаторов, во время народного собрания наложил «вето» на оглашение текста законопроекта. Между трибунами завязалась перебранка. По предложению оптиматов было решено передать вопрос на рассмотрение сената. Тиберий Гракх решил уступить. Особым указом он объявил полномочия всех должностных лиц, кроме трибунов, прекращенными до тех пор, пока законопроект не пройдет голосования²⁶². Кроме этого, он предупредил, что если на следующем народном собрании Марк Октавий вновь наложит запрет, то будет поставлен вопрос о полномочиях самого Октавия: «должен ли трибун, действующий не в интересах народа, продолжать оставаться в своей должности»²⁶³.

---

²⁵⁷ Plut. Tib. Gr. 9.

²⁵⁸ App. I. 9.

²⁵⁹ Plut. Tib. Gr. 9.

²⁶⁰ App. I. 9.

²⁶¹ App. I. 11.

²⁶² Plut. Tib. Gr. 10.

²⁶³ App. I. 12.

На следующем народном собрании Гракх вновь обратился с речью: «Разве было бы справедливо общественное достояние разделить между всеми? Разве гражданин такой же человек, что и раб? Разве воин не более полезен, чем человек несражающийся? Разве участник в общественном достоянии не будет радеть более об интересах государства? Римляне завоевали большую часть земли и владеют ею; они надеются подчинить себе и остальную часть; в настоящее время перед ними встает решающий вопрос: приобретут ли они остальную землю благодаря увеличению числа боеспособных людей, или же и то, чем они владеют, враги отнимут у них вследствие их слабости и зависти»²⁶⁴. Марк Октавий вновь наложил запрет на аграрный законопроект. Тогда Тиберий, видя, что уговоры бесполезны, не находя никакой иной возможности провести голосование по закону, поставил вопрос о лишении Марка Октавия полномочий народного трибуна. Мера была беспрецедентной. Никогда до этого народный трибун – лицо, согласно законам, священное и неприкосновенное – досрочно не лишался власти. Пока шло голосование по трибам, Гракх настойчиво просил Октавия переменить свое мнение о законопроекте, но тот был непреклонен. По итогам голосования Марк Октавий был отрешен от должности. На его место тут же был избран сторонник Гракха Квинт Мумий²⁶⁵. Лишь диктатура могла сорвать принятие аграрных законов Тиберия Гракха²⁶⁶. Решение о ее введении принималось сенатом, который после этого формально поручал консулам избрать диктатора²⁶⁷, но так как консул Муций Сцевола был одним из соавторов аграрного законопроекта²⁶⁸, то он неминуемо заблокировал бы введение диктатуры. Таким образом, аграрный закон был утвержден народным собранием и избраны триумвиры: сам Тиберий Гракх, его брат Гай, воевавший в тот момент под началом Сципиона в Испании, и тесть Аппий Клавдий²⁶⁹. Гракх также добился законодательного предоставления триумвирам права определять, какая земля общественная и какая частная²⁷⁰.

Вскоре выяснилось, что земли слишком мало для раздела между немущими гражданами. Воспользовавшись тем, что скончавшийся в том году пергамский царь Аттал завещал все свое наследство римскому народу, Гракх инициировал принятие закона, «чтобы всем, кто по Семпрониеву закону должен получить землю, были розданы деньги из казны царя Атталла»²⁷¹. Кроме этого, деньги предлагалось распределить «между граждана-

---

²⁶⁴ App. I. 11.

²⁶⁵ App. I. 12.

²⁶⁶ App. I. 16.

²⁶⁷ Cic. Lege. III. 9; Liv. VIII. 12. 2, 12-13; 17. 3; 23. 15.

²⁶⁸ Plut. Tib. Gr. 9, 18.

²⁶⁹ App. I. 12; Plut. Tib. Gr. 12, 13.

²⁷⁰ Liv. Per. XLIII.

²⁷¹ Liv. Per. XLIII.

ми, которые получили землю, чтобы те могли обзавестись земледельческими орудиями и начать хозяйствовать»²⁷². Когда сенаторы заявили, что вопросы, касающиеся пергамского царства, т.е. внешней политики, относятся к ведению сената, в ответ они услышали: «Что же касается городов, принадлежавших Атталу, то их судьбою надлежит распоряжаться не сенату, а потому он, Тиберий, изложит свое мнение перед народом»²⁷³. Это вызвало еще большее возмущение в сенате. Некто Помпей заявил, что ему, как соседу Тиберия, «достоверно известно, что пергамец Эвдем передал ему из царских сокровищ диадему и багряницу, ибо Тиберий готовится и рассчитывает стать в Риме царем»²⁷⁴. Гракх покинул сенат и созвал народное собрание. Тит Анний на сходке обратился к Тиберию: «Если ты вздумаешь унижать меня и бесчестить, а я обращусь за помощью к кому-нибудь из твоих товарищей по должности и он заступится за меня, а ты разгневаешься, – неужели ты и его отретишь от власти?»²⁷⁵ Вопрос ввел Тиберия в такое замешательство, что он, великолепный оратор, не смог раскрыть рта. Распустив народное собрание он, на следующей сходке, выступил со специальной речью, обосновывавшей оправданность отрешения народного трибуна Марка Октавия от должности²⁷⁶.

Опасаясь после завершения полномочий судебного преследования, Тиберий Гракх решил домогаться повторного избрания в народные трибуны. В день голосования, когда он явился в народное собрание, сенатор Фульвий Флакк отозвал его в сторону и сообщил, что «заседание сената открылось, но богатые не могут привлечь консула на свою сторону, а потому замышляют расправиться с Тиберием сами и что в их распоряжении много вооруженных рабов и друзей»²⁷⁷. Сторонники Тиберия стали готовиться к отражению нападения. Те же, кто находился подальше, с недоумением смотрели на волнения вокруг Гракха. Видя, что перекричать толпу не удастся, Гракх, коснувшись рукой головы, дал им понять, что его жизнь в опасности. Наблюдавшие за этим его противники тут же помчались в сенат сообщить, что «Тиберий требует себе царской диадемы и что тому есть прямое доказательство: он притронулся рукою к голове!»²⁷⁸.

Сенат тут же пришел в смятение. Сципион Назика, который по земельному закону должен был лишиться большей части своих владений, потребовал от консула Муция Сцеволы «защитить государство и свергнуть тирана». Однако тот лишь заявил, что оснований для подобной меры нет. Тогда

---

²⁷² Plut. Tib. Gr. 14.

²⁷³ Plut. Tib. Gr. 14.

²⁷⁴ Plut. Tib. Gr. 14.

²⁷⁵ Plut. Tib. Gr. 14.

²⁷⁶ Plut. Tib. Gr. 15.

²⁷⁷ Plut. Tib. Gr. 18.

²⁷⁸ Plut. Tib. Gr. 19.

Назика, вскочив с места, закричал: «Ну что ж, если глава государства – изменник, тогда все, кто готов защищать законы, – за мной». Накинув край тоги на голову, он устремился на Капитолий. Большинство сенаторов последовало за ним. Народ от неожиданного появления такого количества разъяренных сенаторов, которые обернув свои тоги вокруг левой руки, правой расчищали себе путь в толпе, стал разбегаться врассыпную, топча друг друга. Началась давка. Сенаторы и их сторонники, подобрав обломки и ножки скамей, разбитых бежавшей толпой, устремились на Тиберия. Тот попытался бежать к храму Юпитера Капитолийского, но кто-то схватил его за тогу. Сбросив ее с себя, он, в одной тунике, сделав несколько шагов, поскользнулся и упал у храмовых дверей, у статуй царей²⁷⁹. Подбежавший к нему Публий Сатурей первым нанес удар Тиберию по голове деревянным обломком. Вскоре подоспели остальные, и Тиберий Гракх был забит до смерти ножками скамеек²⁸⁰. Избиению подверглись также сторонники Гракха. Всего погибло в давке либо было убито противниками аграрных законов свыше трехсот человек²⁸¹. Гаю Гракху не разрешили забрать для погребения тело брата, которое подверглось зверскому надругательству²⁸². Той же ночью трупы всех погибших были сброшены в Тибр²⁸³. Тело Тиберия Гракха демонстративно проволокли от Капитолия по улицам города и также сбросили в реку²⁸⁴.

«После изгнания царей это был первый случай в Риме, завершившийся кровопролитием и избиением граждан: все прочие, хотя бы и нелегкие и отнюдь не по ничтожным причинам возникшие, удавалось прекратить благодаря взаимным уступкам и власть имущих, которые боялись народа, и самого народа, который питал уважение к сенату»²⁸⁵. Вместе с тем, после пятидесятилетнего перерыва благодаря Тиберию Гракху в Риме вновь было принято решение о наделении ветеранов земельными участками. Принципиальным новшеством для Республики стало решение не в форме традиционного выведения поселений, а путем **перераспределения** общественной земли. Народный трибун Тиберий Гракх стал первым, после царя Сервия Туллия, кто добился частичного перераспределения общественных земель в пользу ветеранов и точно так же, как и царь, был забит до смерти толпой разъяренных землевладельцев. Тем не менее, сенаторы не рискнули аннулировать земельные законы Гракха и позволили избрать на его место в три-

---

²⁷⁹ App. I. 16.

²⁸⁰ Plut. Tib. Gr. 19.

²⁸¹ Plut. Tib. Gr. 19.

²⁸² Plut. Tib. Gr. 20.

²⁸³ App. I. 16.

²⁸⁴ Plut. C. Gr. 3.

²⁸⁵ Plut. Tib. Gr. 20.

умвирате Публия Крамма для раздела общественной земли²⁸⁶. Одним из видных результатов аграрной реформы Тиберия Гракха стало увеличение более чем на 20 % цензовой численности римских граждан – с 317 823 человек в 131 г. до 390 736 человек в 125 г.²⁸⁷.

Сципион Африканский ко времени беспорядков в Риме, после пятнадцатимесячной осады шестидесятитысячной армии Нуманция, подавил восстание нумантинских племен и разрушил их город до основания. Когда сообщили о гибели брата его жены, Тиберия Гракха, Сципион процитировал Гомера: «Так да погибнет любой, кто свершит подобное дело»²⁸⁸. Сципион Назика, инициатор убийства Гракха, столкнулся с всенародной ненавистью. Люди на улице возмущенно кричали ему в лицо, что «он проклятый преступник и тиран и что наиболее чтимый храм города он запятнал кровью трибуна – лица священного и неприкосновенного»²⁸⁹. Опасаясь за его жизнь, сенат поручил ему выполнение миссии в Азии, где вскоре Сципион Назика умер.

Реализация земельного закона, тем временем, проходила с большими трудностями. Крупные землевладения, как правило, де-юре были оформлены на подставных лиц, из-за чего судебные разбирательства триумвирами на предмет установления фактической принадлежности земельного участка существенно затягивали процесс перераспределения общественной земли. Не у всех сохранились заключенные при продаже и покупке договорные документы, касающиеся раздела на участки. Кроме того, владельцы многих участков вообще не могли представить документов, на основании которых они, собственно, поселились на них: так как владельцы жили на участках, полученных в результате завоевания, то они и не могли точно указать свой первоначальный участок²⁹⁰.

В 131 или 130 г. народный трибун Гай Карбон внес предложение разрешить, как ранее предлагал Тиберий Гракх, переизбрание народных трибунов неограниченное количество раз. Сципион Африканский возразил на это предложение суровой речью. Среди народа, который до этого с любовью и почтением относился к прославленному полководцу, стали раздаваться недовольные возгласы. Гай Карбон и Фульвий спросили Сципиона, что он думает о смерти Тиберия Гракха. Тот заявил, что он не одобрял его деятельности²⁹¹ и «убийство Тиберия Гракха представляется ему справедливым»²⁹². Люди с возмущенными криками прервали его на полуслове.

---

²⁸⁶ Plut. Tib. Gr. 21.

²⁸⁷ Liv. Per. LIX; LX.

²⁸⁸ Plut. Tib. Gr. 21.

²⁸⁹ Plut. Tib. Gr. 21.

²⁹⁰ App. I. 18.

²⁹¹ Plut. Tib. Gr. 21.

²⁹² Liv. Per. XLIX.

В ответ Сципион выругался в адрес народного собрания, чем еще больше подорвал собственный авторитет в глазах сограждан²⁹³.

Вскоре представители италийских племен обратились к Сципиону Африканскому, которому они оказывали помощь в военных походах, с просьбой о заступничестве. Так как в давние времена, согласно норме «всякий желающий может обрабатывать не подвергшуюся разделу землю», многие италийцы обосновались на свободных тогда общественных землях, то теперь большинство из них столкнулись с угрозой выселения с обжитых владений²⁹⁴. В 129 г. Сципион предложил внести изменения в аграрный закон Тиберия Гракха, предусматривавшие поручение разбирательства спорных вопросов не триумвирам, а специально назначаемому лицу²⁹⁵. Сенат поддержал эту идею и право судебного разбирательства по земельным спорам было предоставлено консулу Тудитану. Последний, едва приступив к исполнению полномочий, отправился в поход в Иллирию: судебные разбирательства, а значит и раздел общественных земель, застопорились²⁹⁶. Подобный оборот событий вызвал возмущение в народе.

Триумвиры по разделу земли Фульвий Флакк, Гай Гракх и Гай Папирий Карбон, очевидно, предложили сенату восстановить прежний порядок решения земельных споров²⁹⁷. Сципион Африканский открыто выступил против этой идеи. В народе его позиция была встречена с крайним неодобрением. «Сципион решил совершенно аннулировать закон Гракха и собирается затем устроить вооруженную бойню» – разнеслось среди граждан²⁹⁸. Заседание сената было перенесено на следующий день. В сопровождении сенаторов, италицев и своих клиентов²⁹⁹ Сципион вернулся вечером домой и решил поспать, прежде чем ночью написать речь, предназначенную для произнесения в сенате³⁰⁰... Утром следующего дня он был обнаружен в собственной постели мертвым, без видимых следов насилия³⁰¹. В связи с неожиданной смертью Сципиона Африканского никакого официального следствия назначено не было³⁰². Ходили слухи, что он был отравлен собственной женой, Семпронией – сестрой Тиберия Гракха, по наущению тещи, Корнелии³⁰³. Другие полагали, что Сципион покончил собой, «чувствуя,

---

²⁹³ Plut. Tib. Gr. 21.

²⁹⁴ App. I. 18; 36.

²⁹⁵ App. I. 19.

²⁹⁶ App. I. 19.

²⁹⁷ Liv. Per. XLIX.

²⁹⁸ App. I. 19.

²⁹⁹ Cic. De amicit. 12.

³⁰⁰ App. I. 20.

³⁰¹ App. I. 20.

³⁰² Cic. Pro Milo. 16; Liv. Per. XLIX.

³⁰³ App. I. 20.

что не будет в состоянии сдержать данные им обещания»³⁰⁴. Позже рабы Сципиона под пытками заявили, что его «задушили ночью иноземцы, проникшие к нему через помещение, находившееся в задней части того дома, где он жил»³⁰⁵. В последствии утвердилось мнение, которое, в частности, разделял и Помпей Великий, что за убийством Сципиона Африканского стоял триумвир Гай Карбон³⁰⁶.

Для исправления плачевной тенденции в демографической ситуации в 131 г. цензор Квинт Метелл издал постановление, что все граждане должны вступать в брак для рождения детей³⁰⁷.

Так как италийцы продолжали сопротивляться разделу земель, в 125 г. консул Фульвий Флакк предложил законопроект, предоставлявший союзникам права римского гражданства³⁰⁸. Подобный шаг должен был с одной стороны, уравнивать их в правах с римскими гражданами при рассмотрении в судах земельных споров, с другой – существенно расширять людской потенциал для военного призыва. Однако идея распространения римского гражданства на италийцев встретила жесткий отпор у сената. Консул был удален из Рима под предлогом ведения войны в Заальпийской Галлии. Провал законопроекта вызвал негодование среди италийцев. Два города (Аскул и Фрегеллы) взяли за оружие. Реакция Рима на вооруженное выступление последовала незамедлительно. Восстание было быстро и жестоко подавлено претором Луцием Опиимем, а Фрегеллы – стерты с лица земли³⁰⁹.

В 123 г. народным трибуном был избран брат Тиберия Гракха, Гай, который немедленно приступил к реализации обширной программы. В первую очередь был проведен закон о хлебных раздачах в Риме, предусматривавший установление низких государственных цен на продовольствие для бедняков³¹⁰. В судопроизводстве было введено равное представительство среди судей сенаторов и всадников³¹¹. Среди законопроектов, потерпевших неудачу, отметим предложение оплачивать обмундирование и вооружение римских военнослужащих за государственный счет; закон о союзниках, который должен был уравнивать в правах италийцев с римскими гражданами; введение в состав сената 600 человек из сословия всадников³¹².

Деятельность Гая Гракха позволила ему получить широкую общественную поддержку. Будучи повторно избранным в народные трибуны, в

---

³⁰⁴ App. I. 20.

³⁰⁵ App. I. 20.

³⁰⁶ Cic. Q. fr. II. 3. 3. Квинту Туллию Цицерону, в провинцию Сардинию. Рим, 12 и 15 февраля 56 г.

³⁰⁷ Liv. Per. XLIX.

³⁰⁸ App. I. 21.

³⁰⁹ Liv. Per. LX; Vel. II. 6. 4.

³¹⁰ App. I. 21; Liv. Per. LX; Plut. C. Gr. 5.

³¹¹ Plut. C. Gr. 5.

³¹² App. I. 35; Plut. C. Gr. 5.

122 г. он предложил вывести колонию на общественные земли в Капую и Тарент, а также на место разрушенного Карфагена³¹³: впервые в римской истории предлагалось выведение поселений за пределы Италии. Чтобы перехватить инициативу у чрезвычайно активного народного трибуна, сенаторы с помощью его коллеги, Ливия Друза, инициировали принятие решения о выведении 12 колоний по три тысячи поселенцев³¹⁴, что существенно ослабило поддержку Гая Гракха среди народа. Вскоре Гай Гракх был избран триумвиром по выводу поселений и отправлен в Африку, чтобы выбрать место для выводимой туда колонии 6 тысяч римских граждан³¹⁵. По завершении в течение семидесяти дней подготовительной работы Гракх, вместе с Фульвием Флакком, вернулся в Рим для отбора поселенцев. Однако неожиданно сенат, сославшись на неблагоприятные знамения, – «пришло известие, что волки вытащили и разбросали пограничные столбы, поставленные Гракхом и Фульвием»³¹⁶, – инициировал рассмотрение в народном собрании законопроекта об аннулировании решения о выведении колоний. На народном собрании, когда должен был рассматриваться этот вопрос, консул Опимий совершил жертвоприношение и один из его ликторов, Квинт Антиллий, держа внутренности жертвенного животного, направился мимо Гая Гракха с Фульвием Флакком, стоявшими у храма, и презрительно бросил в их адрес: «Ну, вы, негодяи, посторонитесь, дайте дорогу честным гражданам!», после чего, обнажив руку по плечо, сделал оскорбительный жест³¹⁷. Дерзкий ликтор тут же был убит сторонниками Гая Гракха. Поднялся крик. Все вокруг стали разбегаться. Гракх устремился на форум, намереваясь дать объяснения случившемуся, но никто его не слушал. Из-за начавшегося ливня, Флакк и Гракх в сопровождении своих сторонников вынуждены были вернуться к себе домой. На следующее утро консул Опимий созвал сенат на чрезвычайное заседание. Гай Гракх и Фульвий Флакк были вызваны для дачи показаний, но, не рассчитывая оправдаться перед враждебно настроенными сенаторами за гибель ликтора Антиллия, они бежали со своими вооруженными сторонниками на Авентинский холм. Сенаторы вынесли постановление, предписывавшее консулу Опимию «спасти государство любыми средствами и низложить тиранов»³¹⁸: в Риме впервые было объявлено чрезвычайное положение без формального назначения диктатора. Отряд пехотинцев и критских лучников по приказу консула атаковал сторонников Гракха. Сам трибун, понимая, что сопротивление бесполезно, попытался бежать, но быстро был схвачен и обезглавлен. Такая же

---

³¹³ Liv. Per. LX; Plut. C. Gr. 8.

³¹⁴ App. I. 23; Plut. C. Gr. 9.

³¹⁵ App. I. 23; Plut. C. Gr. 9.

³¹⁶ App. I. 24.

³¹⁷ Plut. C. Gr. 13.

³¹⁸ Plut. C. Gr. 14.

участь постигла Фульвия Флакка. Всего на Авентинском холме в ходе вооруженного столкновения было убито двести пятьдесят человек³¹⁹. При последующих репрессиях общее число жертв было доведено беспощадным консулом Опимием до трех тысяч римских граждан³²⁰. В результате гибели Гая Гракха процесс выведения колоний был полностью остановлен.

Вскоре был принят закон, разрешавший владельцам спорных участков общественной земли их продажу³²¹. Очевидно, эта мера призвана была стимулировать рост предложения на земельном рынке с тем, чтобы ветераны получили возможность за деньги приобрести наделы. Но закон получил прямо противоположный эффект. Состоятельные граждане принялись скупать эти участки, что привело к росту цен на землю и к еще большей концентрации земельной собственности. Зачастую искусственно инициировались споры по поводу принадлежности земельного участка, особенно прежними владельцами, лишившимися земель по закону Тиберия Гракха, чтобы побудить его владельца к продаже. Число малоимущих и нищих граждан стало стремительно увеличиваться. Чтобы исправить положение, народный трибун Спурий Борий внес законопроект, по которому общественная земля не должна была больше подлежать переделу, но принадлежать ее владельцам, которые обязывались к уплате земельного налога, собранные от которого суммы подлежали раздаче среди граждан³²². Эта мера позволила несколько сбить накал социальной напряженности.

В 111 г. был принят аграрный закон, по которому общественные земли, заселенные согласно аграрному закону Тиберия Гракха³²³, а также уже длительное время находившиеся в арендном пользовании какого-либо римского гражданина или италийца, состоявшего на воинском учете, т.е. подлежащего призыву в армию³²⁴, закреплялись в частной собственности их фактических владельцев, которые теперь могли эти наделы продавать другим лицам либо передавать по завещанию. Для разрешения вопросов принадлежности спорных земельных участков консулам, преторам и цензорам было предоставлено право проведения судебных разбирательств³²⁵. Римские граждане, получившие общественную землю в частное владение, освобождались от уплаты налога³²⁶. В общественном фонде оставались земли, не распределенные в 133 г. и оставшиеся нераспределенными по закону 111 г. На них позволялось выпасать определенное количество домашнего

---

³¹⁹ Oros. V. 12. 9.

³²⁰ Oros. V. 12. 10; Plut. C. Gr. 18.

³²¹ App. I. 27.

³²² App. I. 27.

³²³ L. a. 111. 17.

³²⁴ L. a. 111. 16.

³²⁵ L. a. 111. 38.

³²⁶ L. a. 111. 15.

скота³²⁷. Общественная земля в Италии больше не могла подлежать отчуждению в частную собственность³²⁸.

Реализация упомянутого выше закона привела, с одной стороны, к сокращению доходов римской казны, а, следовательно, и раздач малообеспеченным гражданам, с другой, стимулировала очередной виток концентрации земельной собственности, так как на земельный рынок получили доступ владельцы приватизированных земельных участков. «Вследствие этого стал ощущаться еще больший недостаток в гражданах и в военной силе, доходов с земли стало поступать меньше, уменьшились и раздачи, и законы – 15 лет спустя после реформы Гракха – при разборе дел в судах перестали применяться»³²⁹.

Вышеуказанные процессы самым негативным образом сказались на ходе Югуртинской войны 111-105 гг. в Нумидии. Римская армия предстала в ней недисциплинированной толпой мародеров³³⁰, а ее младший и средний офицерский состав – готовым к продажным сделкам с врагом³³¹. В результате, потерпев в 109 г. поражение, римское войско под угрозой истребления было унижительно проведено под ярмом³³².

Несмотря на поражения и неудачи римлян в войне с Югуртой, с наилучшей стороны проявил свои способности легат Гай Марий, человек незнатного положения, большую часть своей жизни посвятивший военной службе³³³. Он был избран консулом 107 г. и назначен вместо неудачливого Цецилия Метелла Нумидийским главнокомандующим римской армией в Африке. Сенат разрешил ему произвести дополнительный призыв. Однако видя, что «народ не расположен к военной службе»³³⁴, Марий, кроме опытных ветеранов³³⁵, «набирает солдат, но не по обычаю предков и не по рядам, а всякого, кто пожелает, большей частью лично внесенных в списки»³³⁶, «записав в войско много неимущих и рабов»³³⁷. Таким образом, комплектование римской армии переводилось на добровольную основу, причем цензовые ограничения утрачивали свое значение при поступлении римского гражданина на службу. Вооружением и амуницией новобранцы обеспечивались за государственный счет³³⁸. Откликаясь на его призыв в ар-

---

³²⁷ L. a. 111. 23.

³²⁸ L. a. 111. 21.

³²⁹ App. I. 27.

³³⁰ Sall. Jug. 44. 4.

³³¹ Sall. Jug. 38. 3.

³³² Sall. Jug. 38. 9; 49. 2.

³³³ Plut. Mar. 7.

³³⁴ Sall. Jug. 84. 3.

³³⁵ Sall. Jug. 84. 2.

³³⁶ Sall. Jug. 86. 2.

³³⁷ Plut. Mar. 9.

³³⁸ Sall. Jug. 86. 1.

мию «каждый надеялся разбогатеть благодаря добыче и вернуться домой победителем»³³⁹. В 105 г. Марий довел войну в Нумидии до победы, пленив царя Югурту, который был вскоре проведен в триумфальном шествии в Риме, а затем умерщвлен³⁴⁰.

В октябре того же года в Рим поступило сообщение о сокрушительном поражении, которое в Нарбонской Галлии под Араузионом потерпели от кимвров войска консула Максима и проконсула Цепиона: в битве погибло 80 тысяч римлян и их союзников³⁴¹. Специальным постановлением Гаю Марию было разрешено домогаться, причем заочно, консульства во второй раз, с тем чтобы возглавить войну с кимврами и тевтонами. Гай Марий в первую очередь осуществил ряд мер, значительно повысивших боеспособность римской армии: в практику армии была введена повседневная боевая подготовка; была создана новая тактическая единица – когорта, состоящая из трех манипулов по 200 человек; каждый легион получал специальный значок, а когорта – знамя, призванные идейно сплотить солдат³⁴². Военная реформа Мария, который был консулом пять сроков подряд (104-100 гг.), вскоре принесла свои плоды на полях сражений. В 102 г. при Аквах Секстиевых были разбиты тевтоны, а годом позже при Верцеллах в Северной Италии – кимвры: от 150 до 200 тысяч германцев пали в сражениях, такое же число – было продано в рабство³⁴³.

Одержав столь яркие победы, триумфально вернувшийся Марий неминуемо должен был столкнуться с проблемой ветеранов, которые ожидали от него мер по обеспечению их земельными наделами³⁴⁴: «шестого [консульства] он домогался так, как другие не добиваются и первого; обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе, лишенной этих свойств»³⁴⁵. Путем подкупа³⁴⁶ ему удалось добиться консульства 100 г. Апулей Сатурнин и Главций, став при поддержке солдат Мария, соответственно, народным трибуном и претором, предприняли совместные действия по проведению земельного закона в интересах Мария³⁴⁷.

Сатурнин внес на обсуждение закон о наделении ветеранов Мария землей. Несмотря на сопротивление сената, трибун добился принятия закона в комициях, где решающую роль в исходе голосования сыграло участие

---

³³⁹ Sall. Jug. 84. 4.

³⁴⁰ Liv. Per. LXVII; Plut. Mar. 10; Sall. Jug. 113-114.

³⁴¹ Liv. Per. LXVII; Oros. V. 16. 2.

³⁴² Plut. Mar. 13.

³⁴³ Liv. Per. LXVIII.

³⁴⁴ Plut. Cras. 2.

³⁴⁵ Plut. Mar. 28.

³⁴⁶ Liv. Per. LXIX.

³⁴⁷ App. I. 29-30.

прибывших в Рим солдат и ветеранов Мария. Предполагалось вывести колонии ветеранов, как римских граждан, так и италийцев³⁴⁸, в Африку, Сицилию, Ахайю, Македонию³⁴⁹ и Корсику³⁵⁰, а также осуществить раздел между ветеранами отвоеванных у кимбров галльских земель (в Северной Италии) несмотря на то, что галлы были союзниками римского народа³⁵¹. Согласно одной из норм закона, сенаторы в течение пяти дней после его утверждения в народном собрании должны были поклясться, что не будут препятствовать его исполнению³⁵². Лишь Метелл Нумидийский отказался принести клятву и под угрозой судебного преследования удалился в добровольное изгнание на Родос³⁵³. В том же году Апулей Сатурнин, которого начали подозревать в стремлении к царской власти³⁵⁴, был обвинен в убийстве Меммия, противника аграрных законов и соискателя должности консула 99 г., и приговорен к смертной казни, приведение в исполнение которой было поручено Гаю Марию. Несмотря на то, что «он [Марий] делал все, чтобы их [Сатурнина и Главция] спасти, но ничем не мог помочь»³⁵⁵. Пока Марий под благовидными предлогами откладывал исполнение приговора, «народ, считая все это только уловкой, разобрал черепицу с крыши здания [Капитолия, где укрылись Сатурнин и его сторонники] и бросал ее в сторонников Апулея до тех пор, пока не убил его самого, квестора, трибуна и претора, в то время когда все они еще были облечены знаками своей власти»³⁵⁶. Тем не менее, ветераны Мария получили земельные наделы³⁵⁷.

На конец 90-х гг. приходится следующий этап борьбы за земельные законы. Уже стало традиционным, что на две трети римская армия состояла из италийских союзников, которые «тем не менее были лишены прав в государстве, которое благодаря им, поднялось так высоко: будучи людьми одного происхождения, одной крови, они третировались как иностранцы и чужаки»³⁵⁸. В 90 г. народный трибун Ливий Друз по просьбе италийцев внес законопроект о даровании им гражданских прав. Чтобы добиться поддержки этого законопроекта среди римских граждан, он инициировал заселение колоний в Италии и Сицилии, решение о выведении которых было принято достаточно давно, но оставалось нереализованным³⁵⁹: вероятно

---

³⁴⁸ App. I. 29.

³⁴⁹ De vir ill. 73.

³⁵⁰ Plin. N. h. 3. 12. 30; Pomp Mela. 2. 7.

³⁵¹ App. I. 29; Plut. Mar. 28.

³⁵² App. I. 29; Plut. Mar. 29.

³⁵³ App. I. 31; Liv. Per. LXIX; Plut. Mar. 29.

³⁵⁴ Flor. II. 4. 5; Oros. V. 17. 6; Plut. Mar. 30.

³⁵⁵ Plut. Mar. 30.

³⁵⁶ App. I. 32.

³⁵⁷ Plin. N. h. 3. 12. 30; Plut. Cras. 2.

³⁵⁸ Vel. II. 15. 2.

³⁵⁹ App. I. 35.

речь шла о колониях, которые в 122 г. предлагалось вывести по инициативе его отца³⁶⁰. Друз также предлагал расширить состав сената на 300 человек, за счет представителей сословия всадников. Инициативы народного трибуна не нашли поддержки среди сенаторов и всадников. В один из дней, когда Друз, завершив выступление перед народом, собирался вернуться домой, он был зарезан в толпе сапожным ножом³⁶¹.

Италийцы, при вести об убийстве Друза, проводника их интересов в получении римского гражданства, стали опасаться закона о выведении колоний. Жители Аскула в Пиценской области взяли за оружие и убили претора Сервилия, легата Фонтея, прибывших из Рима на праздничные игры по случаю латинских празднеств, а затем истребили всех римлян, находившихся в городе³⁶². Восстание мгновенно охватило всю Италию: против Рима выступили марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, фронтаны, гирпины, помпеяны, венузины, япиги, луканы, самниты. В общей сложности италийцы, прекрасно освоившие римскую тактику, выставили сто тысяч пехотинцев и столько же конницы³⁶³. Римлянам пришлось срочно собрать сопоставимую по численности армию, для чего была открыта военная служба и для вольноотпущенников³⁶⁴.

Консулы разделили свои силы на несколько частей и распределили между легатами ведение войны в разных частях Италии. Претор Помпей Страбон, отец Гнея Помпея, избранный консулом 89 г., воевал против пиценцев. После первоначальных неудач³⁶⁵, семидесятипяти тысячная армия Помпея Страбона в грандиозном сражении у Аскула смогла обратить в бегство шестидесятитысячное войско италийцев³⁶⁶. По случаю этой победы римляне стали надевать тоги с каймой и ввели знаки должностных отличий³⁶⁷. После длительной осады Аскула, инициатора восстания союзников, Помпей Страбон предпринял мощный штурм, в ходе которого было убито восемнадцать тысяч защитников города во главе с командующим Фравком и взято в плен три тысячи италийцев³⁶⁸. Вступив в город, он приказал казнить всех должностных лиц Аскула, остальному населению – покинуть город, оставив все свое имущество, которое подлежало продаже с торгов³⁶⁹. К этому же времени сопротивление в других частях Италии было подавлено либо прекращено: «сенат решил дать права римского гражданства тем

---

³⁶⁰ App. I. 23.

³⁶¹ App. I. 36.

³⁶² App. I. 38; Flor. II. 6. 8; Vel. II. 15. 2.

³⁶³ App. I. 39.

³⁶⁴ Liv. Per. LXXIV.

³⁶⁵ Oros. V. 18. 10.

³⁶⁶ Oros. V. 18. 17; Vel. II. 21. 1.

³⁶⁷ Liv. Per. LXXIV; Oros. V. 18. 17.

³⁶⁸ Oros. V. 18. 18.

³⁶⁹ Oros. V. 18. 26.

италийцам, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все италийцы»³⁷⁰. Фактически все италийские племена получили права римского гражданства, причем «всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с той целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними»³⁷¹.

Рим тем временем переживал острый экономический кризис. Множество должников, из-за союзнической войны лишившись источников дохода, разорялись. Претор 89 г. Азеллион, отправляя правосудие, начал решать долговые споры в пользу должников, чем вызвал недовольство ростовщиков, которые убили его во время совершения им жертвоприношения на форуме³⁷².

Помпей Страбон торжественно вернулся в Рим и справил триумф за победу над пиценцами и взятие Аскула³⁷³. Сенат надеялся, что выручка от продажи имущества аскуланцев будет внесена в казну, что позволило бы возобновить хлебные раздачи в Риме. Однако консул Помпей Страбон этого не сделал³⁷⁴, чем вызвал ненависть римлян по отношению к себе³⁷⁵. Вместе с тем, отметим, что пиценцы, которым Помпей Страбон нанес поражение и разорил их город, Аскул, испытывали к нему «чувства любви и преданности»³⁷⁶. Вероятно, Помпей Страбон потратил военную добычу на заселение колонистами Кома, города, опустошенного во время союзнической войны ретами, альпийским племенем³⁷⁷. Во всяком случае, когда сразу после смерти Помпея Страбона его сын Гней Помпей вместо умершего был привлечен к суду по делу о присвоении военной добычи из Аскула, найти деньги в ходе расследования не удалось³⁷⁸. Тем не менее, в 89 г. нелюбовь сограждан привела к тому, что Помпей Страбон оказался обманутым в надежде продлить консульство³⁷⁹: консулами следующего года были избраны Корнелий Сулла и Квинт Помпей.

Военный конфликт между союзным римлянам вифинским и набравшим мощь понтийским царями на Востоке сделали к 88 г. войну Рима с Митридатом VI Евпатором неизбежной. Должность наместника Азии и главнокомандующего в обещавшей богатую добычу I Митридатовой войне,

---

³⁷⁰ App. I. 49.

³⁷¹ App. I. 49.

³⁷² App. I. 54; Liv. Per. LXXIV.

³⁷³ Dio. XLIX. 21; Acta triumph. Cap. 665. Drumann. Geschichte Roms. IV. p. 329.

³⁷⁴ Oros. V. 18. 26.

³⁷⁵ Plut. Pomp. 1.

³⁷⁶ Plut. Pomp. 6.

³⁷⁷ Strabo V. 1. 6.

³⁷⁸ Plut. Pomp. 4.

³⁷⁹ Vel. II. 21. 2.

согласно жребью, досталась Корнелию Сулле³⁸⁰. Когда консул покинул Рим и направился в Капую, где стояло его войско, которым он руководил во время союзнической войны, чтобы оттуда выступить в поход, народный трибун Сульпиций провел закон об отстранении Суллы от командования армией, готовившейся к отправке на Восток, и замене его Гаем Марием³⁸¹.

Военная реформа Гая Мария, предусматривавшая добровольность поступления на воинскую службу и официально открывшая доступ к ней неимущим гражданам, предполагала, что теперь успех проводимых консулами-военачальниками наборов будет в значительной степени зависеть от условий, предлагаемых новобранцам. Очевидно, что, кроме денежных выплат, одним из главных ожиданий неимущего гражданина, становящегося солдатом, было получение земельного надела в качестве справедливого вознаграждения за верную службу. Если гражданин не видел подобной перспективы, то он просто игнорировал набор. Таким образом, фактически военачальники по условиям негласного контракта с военнслужащими становились ответственными за наделение последних по завершении службы земельными ресурсами. Теперь смена полководцев в римской армии, особенно в воюющей, становилась весьма опасной мерой, так как по логике нового порядка набора граждане поступали на службу к конкретному военачальнику, и его смена вовсе не означала, что новый военачальник будет выполнять ожидания солдат, связанные с отозванным. Данный подход не преминул проявить себя и в реакции войска Суллы на известие об отзыве своего главнокомандующего. Пока отстраняемый по закону полководец пребывал в растерянности, не зная, на что решиться (смириться с законом или восстать), солдаты потребовали от Суллы «вести их смело на Рим»³⁸².

Впервые в истории Рим был взят римскими же войсками. Захватив власть в Риме, Сулла расправился над Сульпицием, который был приговорен к изгнанию, а затем убит, и его сторонниками. Гаю Марию удалось бежать из тюрьмы и уплыть в Африку³⁸³. Сулла внес изменения в полномочия народных трибунов, запретив им вносить в народное собрание законопроекты без согласия сената, состав которого был увеличен на 300 человек из числа сулланцев. Кроме этого, своего коллегу Квинта Помпея Сулла назначил главнокомандующим армии, остающейся в Италии. Помпею Страбону, по завершении союзнической войны так и не распустившему своего войска, было приказано передать командование этими легионами Квинту Помпею³⁸⁴. Таким образом, Помпей Страбон оказывался в идентичной ситуации, в которой был сам Корнелий Сулла после принятия закона Сульпиция

---

³⁸⁰ App. Mithr. 22.

³⁸¹ App. I. 56.

³⁸² App. I. 57.

³⁸³ App. I. 60-62.

³⁸⁴ App. I. 63.

о его отзыве с поста главнокомандующего. Когда Квинт Помпей явился в ставку для принятия командования, то Страбон оказал ему весьма предупредительный прием и заявил, что готов вновь стать частным гражданином. Во время разговора сторонники Помпея Страбона обступили собеседников и... убили Квинта Помпея³⁸⁵. Хотя Страбон и «выразил свое негодование по поводу смерти противозаконно убитого консула», он сразу же вернул себе командование армией³⁸⁶. Узнав о гибели своего коллеги, находившийся в Риме Сулла усилил собственную охрану и вскоре, так и не решившись вступить в открытое противостояние с Помпеем Страбоном, располагавшим сильной армией, предпочел уехать в Капую и вместе со своим войском отправиться в Азию³⁸⁷.

В Риме считали, что Помпей Страбон ответственен за гибель Квинта Помпея, за то, что «руки римского воина впервые были запятнаны кровью консула»³⁸⁸. Следовательно, рассчитывать на поддержку сограждан для избрания в консулы Помпей Страбон не мог. Консулами 87 г. стали Гней Октавий и Корнелий Цинна. Последний сразу же внес в народное собрание законопроект о распределении новых граждан и вольноотпущенников по всем трибам, а также восстановлении в правах осужденных противников Суллы. Его коллега и несколько народных трибунов заблокировали законопроект. На форуме между сторонниками противоборствующих сторон произошли кровавые столкновения, весь город охватила резня³⁸⁹. Бежавший из Рима Цинна стал подстрекать италийцев, в интересах которых он действовал, взяться за оружие. Сенат постановил отрешить Цинну от консульства и лишить его гражданских прав. Коллегой Гнея Октавия был избран жрец Луций Мерула. Цинне, сначала подкупив центурионов и трибунов, а вскоре также и воинов, обещаниями щедрот, удалось склонить на свою сторону гарнизон Капуи, а также войска, стоявшие под Нолой, которые принесли ему присягу верности³⁹⁰. Италийцы также откликнулись на его призыв. За короткий срок Цинна уже располагал тридцатью легионами³⁹¹. Со своими сторонниками к нему присоединился спешно вернувшийся из Африки Гай Марий. Сенат обратился за помощью к Помпею Страбону, стоявшему с армией у ионийского побережья³⁹². После некоторого сомнения, Страбон решил встать на сторону сената и выступить против Цинны. В этом походе в войске своего отца начал военную карьеру Гней Помпей³⁹³.

---

³⁸⁵ App. I. 63.

³⁸⁶ App. I. 63.

³⁸⁷ App. I. 64.

³⁸⁸ Vel. II. 20. 1.

³⁸⁹ App. I. 65.

³⁹⁰ App. I. 65-66; Vel. II. 20. 4.

³⁹¹ Vel. II. 20. 4.

³⁹² App. I. 66; Oros. V. 19. 9.

³⁹³ Plut. Pomp. 3.

Битва, произошедшая между армиями Помпея Страбона и Цинны возле Яникульского холма, при входе в Рим, победителей не выявила: с обеих сторон было убито по шестьсот человек³⁹⁴. Вскоре в войске Помпея Страбона произошел мятеж. Во время обеда юному Гнею Помпею сообщили, что на его отца готовится покушение, а сам он будет убит его же приятелем Луцием Теренцием, с которым он жил в одной палатке. Гней, не подав виду, спокойно завершил трапезу и даже ласково пообщался с Теренцием. Ночью он тайком вышел из своей палатки и выставил охрану возле палатки своего отца, сохраняя при этом хладнокровие. В назначенный час заговорщики приступили к действиям. В лагере поднялась суматоха. Солдаты, горя ненавистью к своему полководцу и подстрекая друг друга к мятежу, начали разбирать палатки и браться за оружие. Видя, что палатка военачальника находится под надежной охраной, они решили покинуть лагерь. Помпей Страбон, прославленный полководец союзнической войны, так и не решился выйти из палатки к мятежникам. Однако его сын, девятинадцатилетний Гней Помпей, «открыто появился среди воинов, с плачем умолял их не покидать отца и, наконец, бросился ничком на землю перед воротами лагеря. Там он лежал и, проливая слезы, просил уходящих воинов растоптать его ногами»³⁹⁵. Поступок молодого Помпея заставил большинство воинов устыдиться собственных действий и вернуться обратно. Восемьсот солдат, тем не менее, покинули лагерь Помпея Страбона³⁹⁶.

Очевидно, что в основе мятежа была неопределенность, в которой вот уже второй год после завершения союзнической войны пребывали солдаты Помпея Страбона. Последний никак не мог добиться избрания консулом, что позволило бы ему приступить к продвижению аграрного закона. В условиях же, когда Цинна, к которому присоединился Гай Марий, обеспечивший своих солдат землей, предложил солдатам Помпея щедрое вознаграждение³⁹⁷, они решились на мятеж. Вскоре после этого Помпей Страбон погиб от удара молнии, а в результате эпидемии в его войске погибло одиннадцать тысяч человек³⁹⁸. Веллей сообщает, что «радость римского народа по случаю его гибели была почти столь же велика, как и горе, вызванное потерями граждан от меча или чумы, и гнев римского народа по отношению к живому был перенесен на тело мертвого»³⁹⁹. Во время выноса тела отца Гнея Помпея «сбросили с погребального ложа и осквернили»⁴⁰⁰.

Цинна с Марием беспрепятственно вошли в Рим и учинили расправу

---

³⁹⁴ Oros. V. 19. 11.

³⁹⁵ Plut. Cras. 3.

³⁹⁶ Plut. Cras. 3.

³⁹⁷ Plut. Cras. 3; Vel. II. 20. 4.

³⁹⁸ App. I. 68; Oros. V. 19. 18; Plut. Pomp. 1.

³⁹⁹ Vel. II. 21. 4.

⁴⁰⁰ Plut. Pomp. 1.

над сулланцами⁴⁰¹. Гай Марий умер в 86 г., в самом начале своего седьмого консульства⁴⁰². Цинна, избравшийся консулом три срока подряд, был убит собственными солдатами, поднявшими мятеж перед прибытием Суллы⁴⁰³. По возвращении с успешной I Митридатовой войны, Сулла наделил земельными наделами 120 тысяч своих ветеранов⁴⁰⁴, воспользовавшись гражданской войной с марианцами, когда, став диктатором, он перераспределил в их пользу те италийские земли, население которых поддерживало его противников⁴⁰⁵, а затем реформировал государственную власть таким образом, чтобы исключить возможность перераспределения перераспределенных им земель.

Забегая вперед, скажем, что стабильная основа для регулярного и бескровного решения ветеранского вопроса была создана в правление Октавиана Августа: с целью выплаты ветеранского вознаграждения он учредил обособленное от римской казны казначейство – *aerarium militare*, для формирования которого ввел специальные налоги – однопроцентный налог с продаж и пятипроцентный налог с земельной собственности, получаемой римскими гражданами в наследство⁴⁰⁶. В связи с последним следует отметить, что в древности налоги с наследства были характерны для монархических государств, таких как Македония, Сирия и Египет⁴⁰⁷, охватывавших сравнительно большую территорию и имевших наследственную форму передачи власти. В городах-государствах, тяготевших в большинстве своем к республиканскому, аристократическому или демократическому устройству, и к которым изначально относился и Рим, сохранявший к середине I в. до н.э. республиканскую форму правления, к налогообложению граждан прибегали исключительно в военное время. Подобному же подходу в корне противоречил налог с наследства, так как по своей природе он носит постоянный характер и не может рассматриваться как чрезвычайный. Однако еще более значимым представляется то, что введение этого налога в городах-государствах именно для финансирования военных действий было бы кощунственным, если не губительным, для государства, чьи солдаты ясно осознавали бы, что принадлежавшее им имущество в случае их гибели на поле брани будет, пусть и частично, отобрано государством, за которое они сражались и отдали жизни (в Риме, собственно говоря, сначала так и бу-

---

⁴⁰¹ App. I. 71-74; Oros. V. 19. 19-23; Vel. II. 23.

⁴⁰² App. I. 75.

⁴⁰³ App. I. 78; Oros. V. 19. 24; Vel. II. 24. 5.

⁴⁰⁴ App. I. 100, 104; Liv. Per. LXXXIX.

⁴⁰⁵ Cic. In Cat. II. 9. 20; Ad Att. I. 19, 4; Pro Mur. 49.

⁴⁰⁶ Dio. LV. 23. 1.

⁴⁰⁷ Bachofen. I.I. *Ausgewählte Lehren des römischen Civilrechts*, Bonn, 1848, s. 322; Vigié. *Impôts sur les transmissions à titre onéreux. // Revue générale du droit, de la législation et de la jurisprudence en France et à l'étranger*, Paris, 1881, p.198.

дет). Отметим, что ко времени, когда молодой Август впервые попытался ввести совершенно новый для Рима налог с наследства, в Египте, где, ради нововведения в такой консервативной сфере как налогообложение, только и можно было бы изучить практику применения этого налога, он не был. Зато известно, что Юлий Цезарь, преемником которого был Август, вскоре после фарсальского сражения пробыл в Египте девять (!) месяцев⁴⁰⁸.

В историографии эта длительная «египетская авантюра» Цезаря вызывает разноречивые оценки и высказывания, причем не только разногласия, но и откровенное недоумение⁴⁰⁹. В Александрии Цезарь, располагавший незначительными силами, ввязался в опасную войну из-за вопроса египетского престолонаследия, но одержав с большим трудом победу, еще два месяца не покидал страны. За эти же девять месяцев: разбитые и деморализованные республиканцы успели консолидироваться в Африке; для восстановления порядка Марку Антонию пришлось вводить войска в охваченный волнениями Рим; возвратившиеся из Греции легионы Цезаря угрожали поднять мятеж в Кампании, требуя немедленно дать им отставку и обещанное вознаграждение; союзные Риму восточные цари Дейотар и Ариобарзан столкнулись с угрозой нападения на свои владения со стороны понтийца Фарнака, сына Митридата VI Евпатора.

Многomesячное пребывание Цезаря в Египте вызывало множество естественных вопросов: «Почему, располагая столь незначительными силами, Цезарь рискнул ввязаться в столь опасную и затяжную войну? Какую цель он преследовал, идя на такой риск, тем более что он, видимо, с самого начала не стремился к превращению Египта в новую римскую провинцию? Была ли у него не только цель, но и какой-то определенный план действий в Египте, или, другими словами, какое место должна занять египетская экспедиция в общей картине, общем ходе гражданской войны? И наконец, чем объяснить, что он, стремящийся всегда доводить начатое дело до конца, в особенности когда речь шла об уничтожении противника, на сей раз как бы сознательно давал возможность недобитому еще противнику оправиться, собраться с силами, и даже когда оканчиваются связывавшие его военные действия в Египте, он и тогда отнюдь не спешит вернуться к выполнению (вернее, к завершению!) основной своей задачи? [...] в Александрийской войне Цезарь явно шел на малооправданный риск, действовал легкомысленно и даже далеко не всегда разумно. Почему? Это неизвестно, да и едва ли поддается выяснению. Какова была его цель в этой войне и имел ли он вообще какую-то перспективную цель, реализация которой предполагала именно военные действия? Скорее всего такой цели у него не было (если отвлечься от наличия совсем иной задачи: выпутаться из крайне

---

⁴⁰⁸ App. II. 90.

⁴⁰⁹ Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. 1984. с. 238.

затруднительного положения). Был ли у Цезаря определенный, заранее разработанный план действий? Безусловно, такого плана у него не было, и потому египетская экспедиция выглядела какой-то случайностью, авантюрой, а в общем ходе гражданской войны – неожиданным и незакономерным отклонением. Почему, наконец, он отказался от своей обычной тактики, от быстроты и внезапности действий и почти на год как бы вовсе забыл о выполнении своей основной задачи, незавершенность которой ему была, конечно, достаточно ясна?»⁴¹⁰.

Наиболее распространенным объяснением стало мнение, что Цезарь столь загадочно долго оставался в Египте, будучи плененным красотой и умом Клеопатры⁴¹¹, «демонической женщины»⁴¹². Между тем... когда Август, ближе к концу своего правления, предпринял последнюю (успешную) попытку введения налога с наследства, он заявил сенаторам, что вводит его потому, что «предписание об этом налоге он нашел в документах Цезаря»⁴¹³. Очевидно, что именно оставаясь в Египте с октября 48 г. по июнь 47 г. Цезарь имел возможность подробно ознакомиться с налоговой системой монархического государства, в том числе и механизмом взимания налога с наследства. По источникам, Цезарь оказался в Египте как бы случайно – преследуя Помпея, который, опять же по источникам, приплыл туда также не по своей воле, а по совету своего окружения. Нам же представляется, что это было вовсе не так.

Выше мы упомянули, что в условиях отсутствия в 50 г. денег, когда от идеи с парфянским походом пришлось полностью отказаться, для решения ветеранского вопроса стало неизбежным введение в Риме диктатуры. Но Помпей неминуемо должен был рассматривать ветеранский вопрос более широко. Ведь даже если бы удалось без особых проблем начать войну с Парфией и за счет победы в ней решить проблему ветеранов, эта победа не смогла бы устранить последующую необходимость периодического (каждые 10-15 лет) наделения ветеранов землей. Нерешенность же проблемы обустройства ветеранов привела бы к повальному отказу римских граждан от службы в армии, что очень часто имело место во II в. до н.э., когда с трудом набираемая римская армия воевала с крайней неохотой и низкой эффективностью, предаваясь в основном грабежам. Однако владения Рима к середине I в. до н.э. расширились настолько, что государство уже не могло существовать без постоянной и боеспособной армии.

Существовало, собственно, два варианта изыскания наделов для ветеранов: насильственный отъем либо выкуп италийской земли у частных соб-

---

⁴¹⁰ Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. 1984. с. 239.

⁴¹¹ Plut. Caes. 48.

⁴¹² M. Gelzer. Julius Caesar. München, 1940 (6-e Aufl., Wiesbaden, 1960). p. 262.

⁴¹³ Dio. LV. 25. 5.

ственников. Если отдавать предпочтение второму варианту, то приходилось констатировать, что существовавшая финансовая система Рима не была приспособлена для решения долгосрочных задач: в государственной казне копились незначительные, по меркам ветеранского вопроса, средства для непредвиденных целей, среди которых расходы на выплаты пособий ветеранам не значились. На выкуп земли для 100 тысяч ветеранов требовалось около 43 тысяч талантов⁴¹⁴, при том, что доходы Рима с провинций составляли около 12 тысяч талантов в год. Собрать столь крупную сумму в течение одного года было в принципе нереальным. Ее можно было лишь постепенно накопить в течение длительного периода времени. С другой стороны, ежегодные доходы Рима уже были расписаны по конкретным статьям, вследствие чего необходимость откладывания денег на ветеранские нужды вовсе не отменяла эти расходы. Следовательно, вставал вопрос увеличения, причем чувствительного – по меньшей мере на 25%, налогового бремени на общество.

Даже при наличии достаточной суммы, невозможно было решать вопрос путем простой раздачи денег ветеранам: так как потребность иметь земельный надел была естественной для всех ветеранов. Появление каждые 15 лет, если исходить, что раздел земли среди ветеранов осуществляется с такой периодичностью, на земельном рынке 100 тысяч покупателей, претендующих в общей сложности на приобретение 1,2 млн. югеров земли, неминуемо вело бы к периодическому удорожанию в разы цен на землю⁴¹⁵, а значит и невозможности для ветеранов приобретения наделов.

Таким образом, системное решение ветеранского вопроса должно было предполагать: (1) создание обособленной армейской казны, где аккумулировались бы средства для выкупа земель; (2) введения новых налогов для пополнения армейской казны; (3) периодическое (раз в 15 лет) принятие аграрного закона, по которому государство выкупало бы по рыночным ценам землю и предоставляло ее в частную собственность ветеранам.

Можно ли было рассчитывать на реализацию этих мер в республиканском Риме?

В римской истории было два периода, когда сенат санкционировал наделение ветеранов земельными участками: с 467 по 241 гг., когда по мере

---

⁴¹⁴ $12 \text{ югер} \times 1\,000 \text{ сестерциев} \times 100\,000 \text{ ветеранов} / 28\,000 \text{ сестерциев} = 42\,857 \text{ талантов}$.
«Август оценивает пахотный участок легионера в 12 000 сестерциев, а преторианца – в 20 000. Это соответствует площади в 12 и 20 югеров, так как югер оценивается в 1000 сестерциев»
Шультен А. Колонизация в Риме. // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. с нем. под ред. В.Э. Дена. СПб. 1899. с. 251.

⁴¹⁵ В 46-45 гг., когда Цезарь скупал земли в Италии для своих ветеранов, цена югера достигала 11 500 сестерциев: «ближайший сосед [Цицерона] – Гай Альбаний; он купил тысячу югеров у Марка Пилия, насколько я помню, за 11 500 000 сестерциев. Теперь, значит, все стоит меньше». Cic. Att. XIII. 31. 4. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 28 мая 45 г.

покорения италийских народов на захваченные земли выводились колонии, и с 201 по 181 гг., когда колонии в качестве наказания выводились на земли италийцев и галлов, отпавших от Рима во время вторжения Ганнибала в Италию.

Народное собрание вело активную борьбу за наделение ветеранов на заре римской республики. Особенностью этого периода было практическое совпадение численности римской армии с численностью граждан, когда «естественно сложившееся соотношение прав и обязанностей гражданина складывающейся римской *civitas* может быть выражено трехчленной формулой: „гражданин – воин – собственник земли (участник в общинной собственности)»⁴¹⁶. В результате борьбы за наделение граждан-ветеранов (плебеев-пехотинцев) землей, методами которой выступали массовый бойкот армейского призыва, неповиновение командирам в походах, сецессия, в 493 г. была учреждена должность народного трибуна, а с 467 г. сенат приступил к регулярному выведению колоний. После более чем трехсотлетнего перерыва, в 30-х гг. II в. до н.э. народное собрание Рима вновь становилось решающим органом власти при решении вопросов наделения ветеранов землями. К этому времени значительно изменилась структура общества, лишь частью которого стала армия. По сравнению с ранним периодом республики, численность служивших в армии граждан, например, к первой половине I в. до н.э. снизилась с 90-100 % до 10-20 % от общей численности римских граждан, а к тридцатым годам этот показатель составил порядка 2,5 % из-за резкого увеличения числа граждан, внесенных в цензорские списки, при стабильном численном составе армии⁴¹⁷. Образование провинций (Сицилия, Сардиния и Корсика образованы в 227 г., Дальняя и Ближняя Испания – в 197 г., Македония – 148 г., Африка – 146 г., Азия (Пергам) – 133 г.) открыли гражданам возможности для обогащения, не прибегая к службе в армии, что радикально преобразило социальный состав и римской армии, где численно доминирующими становились безземельные граждане – пролетарии. Обладание собственностью и принадлежность к римской гражданской общине перестали являться обязательными условиями военной службы.

С другой стороны, солдаты составляли до 99% всех госслужащих. В принципе, в желании военнослужащих-пролетариев получить земельный надел за службу в армии ничего нового и предосудительного не было: патриции-сенаторы получали за воинскую службу земельные наделы от римских царей, плебеи – от римского сената. В определенном смысле вопрос наделения ветеранов землей в Риме является аналогом современной систе-

---

⁴¹⁶ Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Ист.-правовое исследование. Свердловск. 1976. с. 57.

⁴¹⁷ Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов. 1985. с. 193-195.

мы пенсионного обеспечения государственных служащих. Причем в той форме, как это предстояло решать в Риме (раз в пятнадцать лет отправлять на пенсию всех госслужащих с обеспечением каждого пенсионера единовременной выплатой в размере суммы ежемесячной пенсии за весь период его дожития и в форме приобретенного на эту сумму земельного надела), даже современные демократии не способны справиться без кровопролития.

В условиях отсутствия в Италии свободных земель добиться наделения ветеранов итальянской землей можно было при условии перераспределения наличного фонда общественной земли. За всю историю римский сенат ни разу не отошел от принципиальной позиции: недопущения перераспределения не то что частной, но даже общественной земли – той самой *ager publicus*, находившейся в собственности римского государства, которое по идее могло распоряжаться этой землей по своему усмотрению. Основавшиеся на этих землях римские граждане, с другой стороны, воспринимали эти земли в качестве своей собственности, и в основной своей массе к середине II в. до н.э. уже не служили в армии, а значит, были резкими противниками аграрных законов, затрагивающих их земли. Со снижением удельного веса военнотружущих в общей численности римских граждан возможности влияния ветеранов на результаты голосования по земельным законам становились мизерными. Трудно было ожидать, что подавляющее большинство остальных граждан будет раз в пятнадцать лет откликаться на чаяния ветеранов, тем более служивших далеко за пределами Италии. Если бы ветераны с требованиями земельных наделов прибегли к сецессии, то, образно говоря, в противовес им на остальных шести холмах Рима появилось бы по такому же числу не хуже вооруженных землевладельцев.

Персонажи римской истории, которым удалось добиться частичного перераспределения общественной земли либо попытаться осуществить такой передел, немногочисленны, а судьба их трагична: в VI в. до н.э. царь Сервий Туллий был забит до смерти за то, что осуществил перераспределение в пользу ветеранов общественной земли⁴¹⁸; консул 486 г. Спурий Кассий за одно лишь предложение осуществить это же был привлечен к суду по обвинению в стремлении к царской власти и казнен собственным отцом⁴¹⁹; народный трибун 133 г. Тиберий Гракх (второй после царя Сервия Туллия и первый в республиканскую эпоху), добившийся перераспределения общественной земли для ветеранов, находясь в должности, был заподозрен в стремлении к царской власти и забит до смерти ножками скамеек⁴²⁰; его брат, народный трибун 122 г. Гай Гракх, потерпел неудачу в перераспределении общественной земли, был схвачен и обезглавлен⁴²¹; на-

---

⁴¹⁸ Liv. I. 48. 3-4.

⁴¹⁹ Cic. De re publ. II. 60; Liv. II. 41. 10.

⁴²⁰ Plut. Tib. Gr. 19.

⁴²¹ Plut. C. Gr. 14.

родный трибун 100 г. Апулей Сатурнин, добившийся принятия закона о наделении ветеранов Гая Мария наделами из общественных земель в римских провинциях, был загнан в здание Капитолия, где забросан до смерти черепицей с крыши здания⁴²²; диктатор 82-79 гг. Сулла стал первым римлянином, распределившим в пользу своих ветеранов не только общественные, но и частные земли в Италии, которому удалось умереть собственной смертью, но ради этого ему пришлось утопить в крови весь Рим и Италию.

Если сенат всегда был принципиальным противником перераспределительных земельных законов, то народное собрание для их принятия было слишком дорогостоящим институтом. Например, уже в 64 г. Помпей располагал более чем достаточными средствами для выкупа земли ветеранам восточной кампании. Тем не менее, при том, что государственная казна не должна была нести абсолютно никаких дополнительных расходов, ему понадобилось целых пять лет (в течение которых два года стабильно получавшая жалование армия не распускалась и были потрачены огромные суммы на достижение достаточной поддержки народа), пока в результате упорной и временами кровопролитной (заговор Катилины) борьбы не удалось в 59 г., в том числе благодаря чуть ли не силовому участию в голосовании на народном собрании самих ветеранов, добиться принятия необходимых аграрных законов.

Вообще же, в истории Рима Гнею Помпею суждено было стать политиком, инициировавшим перевод проблемы наделения ветеранов землей из экономической (ограниченности [свободных италийских земельных] ресурсов) в финансовую (перераспределение финансовых ресурсов государства для выкупа земли) плоскость. В 70 г. ему удалось обеспечить выкуп земель для ветеранов за счет предшествующего теневого перераспределения ресурсов государства, в 59 г. – за счет богатых завоеваний на Востоке. Но в обоих случаях ему пришлось преодолевать сопротивление сената и действовать в основном через длительную борьбу в народном собрании. Причем, при решениях ветеранского вопроса ему, так же, как и его предшественникам, не удалось избежать кровопролития, к которому он, впрочем, внешне не был причастен: с тех пор, как он стал Великим, исход всех, причем не только его, сражений на поле брани, будь то победа или поражение, Помпей в максимально возможной степени подчинял интересам изыскания достаточных средств для выкупа земли и процесса политической борьбы в Риме за создание условий для принятия аграрных законов, наделявших ветеранов землей.

Кроме трудноразрешимых проблем в принятии аграрных законов, еще более тяжелой, если вообще реальной, представлялась задача добиться от народного собрания введения налогов, при том, что (1) они должны были

---

⁴²² App. I. 32.

вводиться не для ведения тяжелейшей войны, на что граждане, ради спасения отечества, всегда откликались, а, фактически, лишь для поддержания мира, и (2) римские граждане уже более ста лет были освобождены от уплаты всяких налогов.

Даже если бы удалось ввести налоги для пополнения армейской казны, то в течение пятнадцати лет одних только консулов, которые обладали правом расходования государственных средств, сменилось бы от 20 до 30 человек, а народных трибунов, каждый из которых обладал правом вето на любое решение консула (на внесение доходов в казну, на запрет осуществления расходов из нее) – от 100 до 150 человек. Для обеспечения неприкосновенности доходов армейской казны и, главное, сугубо целевого расходования ее средств, потребовалось бы тратить громадные, возможно даже куда большие, чем непосредственно для выкупа земель, финансовые и политические ресурсы лишь для того, чтобы каждый год добиваться избрания в магистратуры нужных граждан.

Лишь сосредоточение власти в руках одного человека позволяло Риму ограничить стоимость решения дорогостоящего ветеранского вопроса суммой, необходимой для выкупа земель, с целью их последующего распределения среди ветеранов. В арсенале властных институтов республиканского Рима оставалась лишь одна должность, позволяющая добиться наименее затратного системного решения ветеранского вопроса – диктатор. Но диктатура предполагает чрезвычайные обстоятельства для ее введения и, соответственно, сложение диктаторских полномочий после ликвидации этих обстоятельств. Однако необходимость наделения ветеранов землей носила, в принципе, не чрезвычайный, а перманентный характер. Постоянная же диктатура без чрезвычайных обстоятельств означала монархию либо тиранию, при которых роль сената и народного собрания сводится к минимуму либо вовсе на нет.

Таким образом, на протяжении всей предшествующей римской истории катализатором внутривнутриполитического кризиса практически всегда являлась неурегулированность проблемы наделения ветеранов земельными наделами. Аграрные законы выступали лишь формой решения этой проблемы. Водораздел же политической борьбы проходил не между оптиматами и популярями, аристократами и плебеями, а между теми, кто, отдавая все силы на борьбу, осознавал необходимость наделения ветеранов, сражавшихся за интересы Рима, землей, и по большей части теми, кто выступал против перераспределения земель и игнорировал эти стремления, зачастую искренне не осознавая масштаба стоящей перед государством проблемы. От традиционной борьбы за аграрные законы системная нерешенность ветеранского вопроса трансформировалась в середине I в. до н.э. в идеологическое противостояние между республиканцами, для которых причины этого процесса, а также методы борьбы противников так и остались незамеченными,

и поначалу немногочисленными, но не менее самоотверженными, монархистами из военной элиты Рима: если выразаться современными терминами, причиной римской революции стала невозможность создания посредством республиканских институтов власти жизненно необходимой для дальнейшего существования территориального государства системы пенсионного обеспечения госслужащих.

Отходивший летом 50 г. от приступа тяжелейшей болезни Помпей, принимая (в том числе, советуясь со своим ближайшим окружением, к которому, несомненно, относился и греческий философ Теофан) решение развязать гражданскую войну, которая в любом случае ему представлялась меньшим злом, чем развал государства, неминуемо следовавший в случае нерешения вопроса о наделении ветеранов галльской войны землей, намеревался добиваться не только наделения Цезаря диктаторскими полномочиями, но и установления в Риме царской власти, причем не в виде тирании, а создания наследственной монархии с устойчивой системой царских институтов. Определиться же с приемлемой для Рима формой монархии, с которой предстояло постепенно и последовательно смирять римлян, Помпей мог, лишь детально изучив государственное устройство какого-либо современного ему царства. В этой связи его внимание, несомненно, должен был привлекать Египет – царство с тысячелетней историей стабильного монархического правления, слегка адаптированного обосновавшейся здесь после распада державы Александра Македонского греческой династией Птолемеев под близкую римлянам эллинистическую традицию. Тот факт, что в Александрии, египетской столице, уже более пяти лет стоял римский гарнизон, охранявший сначала власть Птолемея Авлета, а затем его наследников, позволял Помпею надеяться на успех задуманного.

В апреле 49 г. находившийся со своей армией в Македонии Помпей провел через римский сенат, покинувший вместе с ним Италию, постановление об утверждении царем Египта двенадцатилетнего Птолемея XIII⁴²³. Кроме этого, ввиду юношеского возраста египетского царя, сенат специальным постановлением утвердил Гнея Помпея его официальным опекуном⁴²⁴. Следует отметить, что после смерти Птолемея Авлета в 51 г. александрийцы в соответствии с его завещанием провозгласили царями Египта его старшего сына Птолемея XIII Диониса и старшую дочь Клеопатру VII Филопатор⁴²⁵. Еще до своей кончины Птолемей Авлет отправил в Рим на хранение Помпею один экземпляр своего завещания, в котором также наследниками царя были названы старший из двух сыновей (Птолемей XIII Дио-

---

⁴²³ Lican. V. 60-63; IX. 132.

⁴²⁴ Eutrop. VI. 21. 3; Lukan. VIII. 449.

⁴²⁵ Strabo. XVII. 1. 11.